

Сергей Черемнов

Бонины радости

повесть о бигле

Село Константиново

2020 ©

«Бонины радости. Повесть о бигле» – небольшая электронная книга Сергея Черемнова. В основу произведения легли реальные факты о судьбе молодого щенка, который попал в хорошие руки. Смешные и занимательные проделки собаки поразительно точно характеризуют эту непростую породу домашних животных, повадки и навыки её представителей, взаимопонимание и любовь к человеку. Увлекательное повествование заинтересует самый широкий круг читателей.

6+

© Черемнов С.,
Бонины радости. Повесть о бигле
2020 г. – 57 с., илл.

Дочери Елене

- Отравилась!.. – закричала Глаша на всю Алёнину квартиру.

Из кухни выскочил перепуганный Семён, на ходу смахивая с усов макаронину:

- Ты чего, Глафира, с ума сошла? – он закашлялся, подавившись от неожиданности куском котлеты. - Кто отравился? Где? – сдавленным голосом прохрипел он.

- Боня отравилась! Видишь, вялая лежит и дышит тяжело?! – по Ганиным щекам уже текли слёзы.

В ответ на её вопли Боня приоткрыла глаза, подняла голову с подушки и тяжело вздохнула:

«Подремать не даст, - подумала она. – Я тут набегалась... Только заснула... Молчала бы!» – но не произнесла ни звука, только повернулась на другой бок и начала укладываться поудобнее.

- Видишь, - Глафира ткнула пальцем в её сторону. – Ворочается, беспокойно ей... Я так и знала! Я даже видела, когда она отравилась. Я пыталась предотвратить, так разве она послушает? Съела – и всё! Я даже не успела разглядеть, что это было... Что теперь будет? – она разрыдалась. – Умрёт? Как думаешь, Семён? Что ты молчишь? Надо делать что-то!

- Да с чего ты... – замямлил Семён.

«Ага, - между тем размышляла Боня, снова засыпая. – Умру я! Как же! Не дождётесь... Да ну вас», – и она опять вздохнула, погружаясь в сладкую дремоту.

- Наверное, рвоту вызвать надо, - почесал затылок Семён. – Желудок прочистить, пока она не переварила. Может, Глашь, в инете глянуть про отравления...

- Ну, ты умный! – огрызнулась жена, размазывая по щекам слёзы. – Всё я сама должна, а ты – только советы давать! Дай сюда! – выхватила она из рук мужа «айфон» и ушла с ним на кухню.

Семён присел на краешек кровати, тревожно смотрел на спящую Боню, выискивая признаки страшного происшествия, трогал её лоб, пытаясь определить температуру. А та не открывала глаз и дышала так тихо, что понять: дышит ли она вообще, - можно было лишь по чуть вздымающейся груди.

- Чего сидишь?! – вздрогнул он от голоса жены. Руки у неё были в резиновых перчатках, в одной она держала пластиковую бутылку с какой-то прозрачной жидкостью. – Будем промывать желудок. Боня, вставай, пойдём в ванную, - решительно позвала она.

Та даже не пошевелилась.

- Видишь! - Глафирины глаза стали наполняться влагой. – У неё уже не сил, чтобы встать... Бери её на руки и неси, да скорей, пока не умерла!

Семён подхватил Боню, осторожно прижал к себе, и они ринулись в ванную комнату. Семён ощутил расслабленное Бонино тело, почувствовал её частое дыхание, и его тоже охватила тревога. А когда сонная Боня доверчиво прижалась головой к его плечу, в его голове вспыхнула тревожная мысль: «Вот так они, малые, незаметно и уходят от нас...»

Между тем, пару дней назад Боне исполнилось ровно два года. По собачьим меркам – в сравнении с человеческими, конечно, – это тянет

лет на двадцать. А в двадцать-то лет люди уже взрослые и соображают, как надо. Не все, разумеется, но большинство. Поэтому Боня давно уже всё понимала и соображала, как надо. Вот слова человеческие говорить, да, не умела. А зачем собаке говорить как люди? Она на своём, собачьем, всё разъясняет этим двуногим. Если кто не понимает, так это не мои проблемы, была уверена Боня...

Она не запомнила своего рождения. Это случилось в один из слякотных ноябрьских дней.

Впрочем, у заводчиков Стаса и Агаты в просторном помещении всегда было тепло. Бонькину маму накануне родов они определили в большую коробку с мягкой подстилкой. И хотя собака уже не в первый раз приносила щенков, хозяева, как всегда в таких случаях, волновались и приглядывали за мамашей.

Из тёмно-багрового материнского пузыря Боня появилась последней. Перед ней родились целых пятеро её крохотных братишек и сестрёнок. Слепые и беспомощные, они тихо попискивали, пока мама старательно вылизывала своих детей. Постепенно писк смолкал – это щенки находили мамины сосочки и припадали к ним своими мягкими, влажными ртами.

Боня дольше других искала этот вкусный живительный источник, раздражённо плакала и настойчиво расталкивала проголодавшуюся родню, пока что-то или кто-то не приподняло её в воздух и не ткнуло носом в мягкий мамин живот, она тут же ухватила губами свободный сосок, из которого в Боньку потекло вкусное сладковатое молоко. Она упивалась им до тех пор, пока не заснула...

Стас стянул резиновые перчатки, одной рукой бережно поглаживал новорожденных, спящих вокруг своей раскинувшей лапы и чутко дремлющей мамы. По очереди брал каждого на ладошку, перепроверя пол щенка, задумчиво поглаживал свою короткую серебристую бородку. Собака подняла голову и с благодарностью посматривала на хозяина умными тёмно-коричневыми глазами.

- Хороший помёт, - одобрительно вымолвил он, наконец. – Думаю, их быстро разберут, - повернулся он к жене, которая тут же занималась приборкой после родов своей воспитанницы. – Только одна девочка мелковата... Та, что последняя, помнишь?

Высокая, стройная Агата кивнула головой, откидывая с лица непокорную тёмную прядь волос, устало улыбнулась мужу:

- Ничего, пристроим. На биглей любителей много...

Незаметно, в хлопотах, пролетели первые недели жизни собачьей семьи.

Агата со Стасом по очереди приглядывали за своими новыми питомцами. И хотя уже доверяли опыту мамыши, но в самые первые дни тщательно следили, чтобы она не придавила слепых щенков.

К концу первой недели у каждого из этих пятнистых комочков пипка носа начала окрашиваться в тёмно-коричневый цвет. Они часто мёрзли, поэтому трогательно жались к мамке, попискивали во сне, а если не спали, то с удовольствием сосали её молоко.

Боня ещё не могла видеть свою маму, но уже хорошо знала её запах и вкусный сосок, который располагался у самых задних ног – здесь вечно голодные Бонькины конкуренты толкались меньше.

К концу второй недели её маленькие глазки начали приоткрываться, но никакого смысла в затаянтом белёсой пеленой взгляде опять-таки не было. Правда она уже ползала и всё норовила достичь пределов лежанки, но мама доставала дочку лапой или осторожно брала зубами за холку и возвращала на место.

К окончанию третьей недели Боня впервые встала на лапы – вначале на передние, потом, немного подумав, сумела оторвать от лежанки и свой крохотный задок. Немного постояла на всех четырёх, раскачиваясь из стороны в сторону, сделала первый шаг и смешно завалилась на бочок – прямо под ноги матери...

Аппетит у неё был отличный, она постоянно хотела есть и часто теребила мамин живот в поисках молока. Но и другие малыши не страдали отсутствием аппетита. И однажды Агата поставила в их коробку несколько мисок, от которых вкусно пахло. Все щенки разом рванули к ним, и в несколько минут от ароматной жидкой кашицы не осталось и следа. «Эге, - поняла Боня, которой тоже перепало немного новой еды. – Тут не зевай!» И с этого раза к обеду она старалась оказаться у миски первой...

Собачья кампания с каждым днём становилась всё шумней. Шесть коротких хвостиков стояли торчком, щенки научились вилять ими так, что казалось, будто по лежанке гуляет весёлый ветерок.

Вскоре у Боньки, как и у остальных, прорезались зубы. Само это прорезывание было ей неприятно и даже больно. Зато теперь, играя с братиками и сестричками, она нет-нет да и прихватывала крепкими зубками их длинные мягкие ушки. Впрочем, те в долгу не оставались...

Мама тоже начала показывать свой характер подрастающим не по дням, а по часам детям, раздавая шлепки особо резвым, кто пытался вылезть за пределы коробки с лежанкой.

Боня в этом небольшом собачьем стаде была хоть и самая мелкая, но такая непоседа! Ей больше всего на свете хотелось выйти из коробки, чтобы рассмотреть окружающий мир. Однажды она выбрала момент, когда мама была занята другими детьми, перевалилась через картонный край и вприпрыжку понеслась к противоположной стене комнаты, которая давно уже привлекала её внимание тем, что странно поблёскивала в свете ламп.

За спиной беглянки раздавался лай и скулёж с требованием немедленного возвращения в родительское гнездо. Но любознательную Боню это не остановило.

Дальняя стена, к которой она стремилась, казалась очень необычной. Во-первых, в её глубине просматривалось точно такое же помещение, в котором находилась Боня с семьёй. Во-вторых, подбегая к этой ненормальной стене, она заметила, как ей навстречу несётся некто, очень похожий на её собратьев, к облику которых она уже привыкла, размахивая на бегу длинными ушами и покачивая торчащим острым хвостиком, быстро и ловко выбрасывая вперед передние лапы.

Боня попыталась изменить маршрут, чтобы не столкнуться с этим чудиком. Она резко приняла сначала влево, затем прыгнула вправо, однако тот, от кого она пыталась уклониться, в точности повторил все её движения, и, не успев затормозить, она столкнулась с ним, пребольно стукнувшись, как ей показалось, своим носом об его нос.

Она остановилась, испуганно твякнула, уселась, уперев передние лапы в пол, и уставилась на обидчика. Тот синхронно проделал точно такие же действия. И, тоже сидя, с самым серьёзным видом рассматривал Боню.

«Да кто же это? – напряжённо думала маленькая беглянка. – Он точно из нашей стаи! Но откуда он взялся, ведь я одна убежать от мамы?»

Впрочем, её обидчик на первый взгляд казался симпатичным. Передняя часть верхней и нижней челюстей были ярко-белого цвета,

который красиво обрамлял коричневую кожицу ноздрей, дальше широкая белая полоска шла ровно посередине через всю удлинённую мордашу, через весь лоб – к затылку, отчего голова незнакомца казалась поделённой на две равные части. Слева и справа его голова, а также шея и длинные, мягкие на вид, свободно свисающие уши имели насыщенный светло-ореховый окрас. Такой же цвет покрывал и его плечи. А маленькая крепкая грудь, косолапые лапки – передние и задние, а также живот были белыми. Всё его короткошерстное тельце начинало нравиться Боне, и она попробовала неумело улыбнуться тому, кто так внимательно смотрел на неё грустными карими глазками. И, о чудо, незнакомец тоже раздвинул мордашку в улыбке.

- Во-от она, девочка! – вздрогнула Боня от возгласа незаметно подошедшего Стаса. – Сидит смиренно и в зеркало себя разглядывает, - он подхватил её на руки и ткнул, зажмурившуюся от страха, носом в стекло, а потом, не выпуская малышку, отступил на шаг назад.

И тут она с изумлением увидела, что стало двое одинаковых мужчин: один держал её, у второго, точно такого же, сидел на руках тот самый незнакомец. «Ничего не понимаю!» - только и успела рассудить Боня, как снова оказалась в коробке со всеми остальными щенками.

Мама лишь проворчала ей в ушко своё недовольство смелым побегом, и на этом приключение закончилось.

...Остатки сна мигом слетели с Бони, когда Глаша, решительно открыв кран, пустила в ванную тёплую воду. Семён поставил собаку на белое чугунное дно, та мигом вскочила на ноги, стряхивая с себя водяные капли, удивлённо смотрела на своих «спасателей».

- Чего стоишь! – ткнула Семёна локтем в бок Глафира. – Быстро открывай ей рот!

Муж упал перед ванной на колени, схватил ничего не подозревающую Боню за нос, насильно разжимая руками собачьи челюсти. Боня долго сопротивлялась, однако люди оказались сильнее. Глафира тут же опрокинула бутылку в открывшееся горло животного. Жидкость из широкого горлышка бутылки обильно хлынула в собаку. Она от неожиданности сделала несколько больших глотков, поперхнулась и закашлялась.

- Мы чем её поим-то? – спросил жену Семён.

- Чем, чем? – огрызнулась та. – А то ты не знаешь! Я воду с солью намешала... Должна вызвать рвоту... Господи, хоть бы ничего не случилось!

А Бонин кашель сначала перерос в сильную икоту, потом у собаки начались рвотные позывы. Но не так, чтобы слишком...

«Да они совсем обалдели, что ли? – возмутилась про себя Боня, которую уже накрывала волна тошноты. – Нет мне покоя! Только прилегла! Чего они хотят? Чтобы та вкусняшка вышла из меня? Да ни за что!»

Однако крутой Глашин рассол в собачьем желудке делал своё дело. Как Боня не сопротивлялась, её стошнило, хоть и очень умеренно: назад выходила солёная жидкость, слюни, да несколько белых крошек – это Глаша, когда они уже вернулись с прогулки, угостила Боню творогом.

- Ганя? - Семён участливо смотрел на тяжело дышавшую собаку. – Расскажи толком, что случилось на улице?

- Да, погоди, - отмахнулась Глафира. – Дай, уберу за ней...

Дети быстро подрастали, и мама радовалась, глядя, как они скачут по просторному вольеру, резвятся и играют друг с другом. Она, как могла, помогала им приспособиться к взрослой жизни.

Благодаря маме Боня уже знала, что ходить в туалет надо на небольшой тканевый прямоугольник, который Стас или Агата называли пелёнкой и меняли по мере надобности, и что теперь это место надо искать подальше от лежанки.

Она с удовольствием ела вкусные маленькие шарики сухого корма, которые смешно похрустывали на зубах.

Иногда щенячьи забавы «зашкаливали», например, братья или сестрёнки не могли поделить резиновое кольцо или отполированный до основания мячик для большого тенниса. Тогда терпеливая мама вскакивала с места и быстро наводила порядок. Обычно для этого хватало короткого строгого рыка, и шалуны разбегались в стороны. Но иногда дело доходило и до шлепков. Непоседливой Боне частенько

перепадали неслабые мамкины тумачи, которые та раздавала своим детям за проделки и безумные скачки.

Однажды – спустя примерно месяц после рождения – в их семье стало на одного меньше. Поздним вечером в тёмном вольере вдруг вспыхнул свет – это Стас привёл двух новых людей. Они долго разглядывали уже угомонившихся к ночи щенков. Потом тот, что пониже ростом, и от кого шёл сильный и резкий запах чего-то тревожного и незнакомого, взял в руки одного щенка, осмотрел его со всех сторон, зачем-то понюхал, вернул на место, поднял другого, разглядел третьего. Снова вернулся к первому...

- Это точно – бигль? Точно – кобель? – тонким визгливым голосом расспрашивал этот человек Стаса. - Чем, говорите, они хороши?

- Ну, конечно, это мальчик, Тина Марковна, - с мягкой улыбкой отвечал Стас. – Настоящий бигль, окрас – биколор, два цвета. Родословная в полном порядке. Мы вам паспорт на него дадим, - пообещал заводчик. – А если позволите подробнее...

- Мы не торопимся, - хмуро сообщила покупательница. – Хотим знать, за что будем платить.

Стас начал издали. Заснувшая было Боня, с интересом всматривалась в хозяина, который рассказывал гостям о том, что её предки пошли от английских биглей. А те в свою очередь корнями уходили в античность. Мол, одни источники их родиной считают древнюю Грецию. По другим данным современный бигль выведен в древнем Риме. Говорил о том, что бигль – собака охотничья с озорным и активным характером, умная и добрая, подвижная и легко ладит хоть со взрослыми, хоть с детьми.

- Вы только посмотрите, какие у него добродушные глаза, - нахваливал Стас. – А уши потрогайте... Будто из плюша!

Он ещё долго бубнил о чём-то, но Боня уже не слушала. Засыпая, она силилась понять, что означает слова «предки» или «родина», да так и уснула, не разобравшись...

А утром семья недосчиталась одного братца.

Он был самым крупным из щенков. Правда, Боня даже не обратила внимания на его отсутствие, а её мама ещё некоторое время скулила, обходя в поисках пропажи и обнюхивая углы вольера, заглядывала в

глаза Агате или Стасу, когда те приносили еду или убирались в их доме. Впрочем, вскоре она переключилась на оставшихся детей.

Только едва ли не с каждым днём их становилось всё меньше. Стас приводил покупателей, они выбирали себе питомца: мальчика или девочку, – и забирали с собой. Иногда с покупателями приходили дети, они визжали от радости, брали щенков на руки, ласкали, прижимали к груди, гладили по голове, трепали за уши. Детские ласки перепали и Боне. Одна девчонка так хотела взять изящную малышку к себе домой, что громко разрыдалась, когда взрослые отказали ей...

И наступил день, когда Боня осталась в вольере одна. Всех щенков разобрали покупатели. Стас куда-то увёл и Бонину маму. В их доме стало непривычно тихо.

Боня пыталась играть сама с собой: незаметно подкрадывалась к резиновому кольцу, внезапно хватала его и, крепко сжимая зубами, неслась в дальний угол или вприпрыжку гонялась за мячом. Но оттого, что никто не бросался вдогонку, чтобы выхватить её добычу, потому что не стало привычной весёлой жизни с бесконечной щенячьей вознёй, с шумом и визгом, от которых радостно стучало маленькое сердечко, игры в одиночестве ей быстро наскучивали. Тогда она садилась на попку, крепко уперев в пол передние лапы, и пыталась подать свой неокрепший голос:

- Бов – во – вов... – негромко выводила Боня. - Бов – во – вов... – в свои два месяца она уже научилась неплохо лаять.

Но никто не откликался ей.

- Погоди, я сейчас, - Глаша подхватила опустевшую бутылку. – Только держи её, не выпускай, - и жена снова выбежала на кухню.

Семён всё сидел перед ванной на корточках, одна рука была занята душевой лейкой – он осторожно поливал из неё тёплой водой Бонины лапы, другой ласково гладил собаку по мокрой голове.

Боня покашливала, выталкивая из пасти обильную слюну, макала в воду свой длинный красный язык, пытаясь попить.

«Что я вам сделала, старики? – уныло думала она. – Чего привязались? Дайте же поспать!»

...Глафира вернулась минуты через три. Она не сняла перчаток, а жидкость в пластиковой бутылке теперь имела чёрный цвет.

– Снова открывай ей рот! – командовала Глафира. – Держи крепче!

Тем же способом они быстро напоили присмирившую собаку новым раствором.

- Что это было? – Семён вытирал тыльной стороной ладони вспотевший лоб. – Ей хуже не будет?

- Что, что? – передразнила мужа Глаша. – Это активированный уголь! Для абсорбирования, понимаешь? Ну тебя! – на её глаза снова навернулись слёзы. – Собаку спасти надо, а он – что, да что... Вот потеряем Боню, как перед Алёной отчитываться будем?

- Так, может, в ветеринарку, Ганя? – робко посоветовал Семён. – Пока не поздно...

- Какая ветеринарка?! Не выдумывай! – всхлипнула Глаша. – Открывай ей лучше рот, остаток вылью!

«Уголь, ветеринарка, - затряслась от страха Боня. – А там уколы. Знаю я всё! За что?! Вкусенького съела? Так это моя добыча была! Хоть бы скорей хозяйка вернулась...»

Она и без того всегда грустила, если Алёна уезжала на несколько дней по делам, оставляя её на попечение родителей. Ей и сейчас было не до веселья, ведь хозяйка куда-то уехала и не возвращалась уже три дня...

Боне было три месяца, и у неё выросли уже все молочные зубы, когда она нашла Алёну. Всё, конечно, было наоборот: это Алёна выбрала Боню, - но щенкам же это не объяснишь, они считают иначе...

Алёна давно хотела собаку. Когда она была маленькой и жила в родительском доме, там был кот, большой пушистый сибиряк с крутым характером, который в трудные кошачьи весенне-осенние разгуляй-месяцы не слушал никого. Вытворял порой в квартире такое, что взбешённый глава семьи – добрейшей, между прочим, души человек – орал благим матом: «Уничтожу негодяя!»

В такие минуты Маркиз бесшумно в мгновение ока прятался так, что сразу и не найдёшь. И пока всей семьёй искали «приговорённого», страсти утихали, да и сам нашкодивший котяра благоговейно тёрся об

хозяйские ноги, ласково вылизывал шершавым язычком маленькую лысинку Семёна, стоило тому прилечь на диван, словом, делал всё, чтобы его простили. «Но в следующий раз...», - обещал Семён. А Маркиз снова и снова становился на скользкий путь непослушания.

Бывали у кота дни, когда сладить с ним не мог никто, тогда он всех, кто приближался к нему, нещадно бил крепкой когтистой лапой или норовил цапнуть острыми зубами. В такой период сладить с ним под силу было только Алёне. За что он её бесконечно любил и уважал, одному кошачьему Богу известно... Даже в самые тяжёлые минуты, когда ему, разъярённому до слепого гнева, человек на дух был не нужен, он мгновенно стихал, стоило только девочке приблизиться, позволял ей взять себя на руки и уже через секунду-другую ластился к ней, забыв все свои яростные обиды.

Эта крепкая связь тянулась с первых дней его жизни в этой семье, когда его, маленького, пушисто-серого принесли в этот дом, оторвав от матери. Он беззащитно пищал, безнадежно пытался отыскать её в чужом мире. И успокоился лишь тогда, когда маленькая Алёнка взяла его на руки и убаюкала в своих мелких ладошках.

С тех пор он не отходил от неё ни на шаг. И эта связь продолжалась у них до последнего кошачьего дня...

Но, став самостоятельной, Алёна решила завести не кота, а именно собаку. Не сразу, конечно. Сначала она долго сомневалась, настраивалась и изучала мнения знакомых и незнакомых собачников. Её родители были категорически против.

- Знаешь, - вкрадчиво внушал ей по телефону отец Семён Ильич, - у всех моих знакомых, кто держит собак, квартиры постепенно превратились в большие собачьи будки...

- Как это? – Алёна нетерпеливо перемещала трубку от одного уха к другому.

- Ну, собака вечно всё грызёт, царапает, обо всё трётся... шерсть опять же...

- Её надо выгуливать по три раза каждый день, - тревожно телефонировала дочери мать Глафира Ниловна. – Ну, хотя бы два раза. Хочешь или нет, зимой и летом, в дождь и мороз... А если надоест, что тогда? Собака не игрушка, и не вещь!

- С ума сошла! – кричала на неё одна подруга. - Такая ответственность! Они же болеют, от них аллергия...

- Будешь бегать по ветеринарам всё время, я-то знаю, - уверял бывший одноклассник. - Кучу денег потратишь... Вообще расходы на их содержание очень большие...

А один знакомый даже анекдот со смыслом рассказал. Приходит, мол, мужик к психоаналитику и говорит: что-то, доктор, тоскливо у нас в доме, ничего не помогает. Врач рекомендует – заведите козу. Через полгода мужик опять приходит и говорит: доктор, козу мы в доме завели, но стало ещё хуже. А вот теперь, говорит врач, избавьтесь от козы. И вам сразу станет легче!

Порылась Алёна и на сайтах собачников, и действующих, и бывших. Там вообще такой раскардаш, что свихнуться можно! Одни говорят – какое это чудо, другие уверяют – не надо в дом этого ужаса. Однако философско-прагматичный подход: «Нет плохих собак – есть плохие хозяева», - в «мировой паутине», кажется, перевешивал.

Словом, «being determines consciousness», решила однажды Алёна. Она часто думала на своём любимом английском, хотя, по-русски эта фраза значила всего лишь, что бытие определяет сознание.

На дворе был февраль. На улице стоял холод, а в душе царил обычный для коротких зимних дней депресняк. Хотелось чего-нибудь тёплого и ласкового... И девушка старательно «пролистывала» в айфоне объявления от московских заводчиков. Одна порода щенков казалась ей большой. Куда в доме с ротвейлером, хаски или овчаркой, когда вырастет? - размышляла она. А эти терьеры, фокстерьеры, чихуахуа, наоборот, такие мелкие...

Сообщение про Боньку она вначале пропустила – животинка показалась ей маленькой. Но, когда эта информация снова мелькнула на экране, она внимательней вгляделась в картинку: умные глазки, милая мордашка. Она нашла в интернете про биглей. «Оптимизм породы не позволит своему хозяину хандрить или скучать, - делился эксперт. - Ему никогда не бывает скучно, и он не даст своему владельцу загрустить... Дружелюбный, ласковый и абсолютно безопасным, этот весёлый добряк станет отличным другом, любящим, терпеливым и, что важно, неприхотливым в уходе... Правда, всё это в сочетании с упрямством... А когда вырастет, в холке достигнет 33-40

сантиметров, весить будет килограммов 12-15, если не раскармливать, конечно...»

«У меня не разжиреешь», - подумала стройная Алёна, которая каждую неделю пару раз регулярно бывала в спортзале. Она нашла школьную линейку и, измерив ножку стола, прикинула рост и размеры собаки – выходило самое то, что хотелось. Алёна ещё раз взгляделась в фото собаки и... снова нашла объявление, набрала указанный телефон.

- Опоздали, девушка! – разочаровал её приветливый мужской голос. – Кажется, хозяин для нашей малышки уже нашёлся...

- Что значит, кажется?! – разозлилась Алёна. – Её уже забрали?

- Нет ещё, - ответила трубка. – Но обещали сегодня после восьми вечера.

- А если я приеду раньше, отдадите? – часы показывали только шесть часов, и Алёна почувствовала, что не упустит свой шанс...

В трубке повисла пауза, потом мужчина ответил:

- Хм, - усмехнулся он. – Если будете первой, само собой...

Девушка быстро оделась, завела машину и понеслась по слякотно-снежным улицам вечернего города.

...От неё пахло чем-то вкусным. Боне этот запах понравился сразу, как только эта высокая стройная девушка взяла её на руки. Щенок даже лизнул запястье руки, которая гладила его по голове. Ещё никто из людей никогда так ласково не гладил её.

- Вот её паспорт, - пересчитав купюры, Агата протянула Алёне документы. – Там записано, что щенка зовут Алиса. – Впрочем, владельцы могут и сами давать собакам имена...

В машине Алёна положила малышку на переднее сиденье. Правда, та лежать не стала, сразу приняла привычную позу – уселась на попу, оперевшись в основание автомобильного кресла крепкими передними лапками.

На поворотах и неровностях дороги её качало и мотало из стороны в сторону, но прилечь она так и не рискнула. Боня глядела на мелькающие за окном фонари, её было тревожно и любопытно

одновременно. «Что происходит? – пыталась разгадать она. – Ничего не понимаю... Вдруг мне будет плохо...»

Алена дважды останавливалась. Сначала она заехала в зоомагазин, купила пару металлических мисок, подставку для них, ошейник и поводок, несколько собачьих игрушек, лежанку и еду для щенков, потом – в обычном мага взяла перекусить себе. Собаку она оставляла в машине, наказывая ей: «Жди меня, я скоро приду. Ничего не бойся...»

- Ага, не бойся... – размышляла Боня. - А если не придёт, что я буду делать? – и она начинала мелко-мелко дрожать от страха.

Потом они ехали ввысь в лифте, что внутри большого многоэтажного дома и, наконец, оказались в уютной Алёниной квартире. Первое, что бросилось Боньке в глаза в прихожей – большое зеркало: из него состояли двери шкафа-купе. Алёна опустила её на пол, и та сразу рванула к этой необычной и такой знакомой стене, в глубине которой просматривалась точно такая же прихожая. И в зеркале – ну, как же, она уже знала! – она увидела собственное отражение. Она упёрлась в него передними лапами и радостно залаяла тонким ещё голоском:

- Бов – во – вов! – и вдруг, то ли от волнения, то ли от избытка чувств, звонко дала «собачьего петуха». - Бон – во – вон...

- А-ха-ха, - весело смеялась Алёна. – Ты лаять умеешь! Вот здорово! Ну, какая же ты Алина?! Ты – не Алина, ты... – Алёна на секунду задумалась. – Ты – Боня! Вот кто! Буду звать тебя Боней... Бонькой! –

Алёна подхватила свою собаку на руки и закружилась с ней по комнате.

«Конечно, я – Боня...», – молча согласилась маленькая новосёлка.

Потом они с аппетитом поели – каждый сам по себе, и, прежде чем улечься спать, Алёна уладила Боне лежанку возле книжного шкафа. Она уложила в неё щенка и долго сидела рядом, гладила его гладкий, едва вздымающийся в такт дыханию, бок, длинное шелковистое ухо. Боня закрыла глаза и затихла, даже, показалось Алёне, засопела во сне. Девушка погасила свет, на цыпочках подошла к кровати и бесшумно улеглась.

Как только тёмную комнату прочертили тени от уличных фонарей, Боня подняла голову, всматриваясь в темноту. Не успела Алёна закрыть глаза, как собачка села и тихо жалобно заскулила. Девушка включила лампу и снова уселась рядом с собачьей лежанкой, усыпляя малышку. Однако стоило ей вновь повернуть выключатель, Боня снова принялась пищать. И всё повторилось сначала.

На третий или четвёртый раз Алёна сказала собаке:

- Спи! Надо спать, ведь мне завтра на работу...

«Ага, - подумала Боня. – А если мне не спится... потому что я не знаю – где я? Куда подевался мой привычный уголок, и что со мной будет?»

- Спи, - говорила Алёна. – Я тебя не обижу, никто тебя не обидит...

Боня внимательно и недоверчиво смотрела на неё умными грустными глазами.

- Пойми, - объясняла ей Алёна. – На кровать я не могу тебя взять. Все собачники говорят, что это неправильно, нельзя тебя баловать... – Боня раз и другой, и третий лизнула Алёнину руку. – Ладно, - решила Алена. – Пойдём ко мне, но только на первую ночь... Потом, как хочешь, будешь привыкать спать у себя, на полу...

Боня тут же подскочила к кровати и остановилась в неуверенности.

- Давай, запрыгивай! - скомандовала Алёна.

Боня примерилась к высоте препятствия и нерешительно глянула на девушку: «Высоко, не допрыгну, помоги...»

- Ладно, - Алёна подхватила её под мягкий живот и посадила на кровать.

Когда они улеглись, и Боня, уткнувшись носом девушке в бок, действительно забылась крепким сном, Алёна ещё долго лежала, вглядывалась в ночной полумрак квартиры, размышляла: «То ли я сделала? Не было у бабы забот...» А Боньке снилась мама, её тёплый и такой лакомый сосок, что она чмокала, упиваясь вкусным сновидением...

- Жди меня, - сказала Алёна утром. – Игрушки у тебя есть. В мисочках еда и вода. Не балуй! Вернись с работы – пойдём гулять...

Бонька сидела на полу в своей привычной позе и с любопытством вертела головой, наблюдая, как Алёна одевается. Когда за той закрылась дверь, собака подошла к порогу, послушала, как в замке поворачивается ключ, и затихают в коридоре Алёнины шаги.

«Почему ушла? Куда? - подумала собака. – А как же я? Я поиграть хочу, побегать...»

Она начала обследовать помещение. Недалеко от входной двери, на полу, была расстелена широкая голубая пелёнка. Боня обнюхала её: «Чистая! Это я знаю, для чего...», - вспомнила.

Она приподнялась на задних лапах, уперевшись передними во входную дверь, заскулила: «Ну, где она? Не идёт... Мне же скучно...»

Потом медленно пошла по комнате, внимательно обнюхивая все углы и пробуя острыми зубами каждый предмет: кожаную обивку дивана, открытые полки шкафа, ножки кровати, – незнакомые запахи волновали и настораживали её. Ничто здесь не напоминало о недавней жизни в вольере.

Впрочем, кое-что знакомое всё же было: увидев миску с едой, она решила немного поесть, хотя особого голода после недавнего плотного завтрака не было. Нехотя начала есть, и жевала вкусный корм до тех пор, пока не опустошила миску. Потом полакала воды, прилегла прямо на тёплый паркет и немного подремала.

Дом был полон новых звуков. За окном непрерывно гудели моторами машины. За стенами слышалось шипение льющейся воды, где-то бубнил телевизор, громко разговаривали соседи. Боне было грустно и тревожно слышать всё это, она тихо запищала, захлюпала своим маленьким горлышком, призывая кого-нибудь из своих: Стаса или

Агату, или даже мамку, но никто из них не явился ей на помощь. Боня ещё немного погрустила, потом стряхнула плохое настроение и решила поиграть.

Резиновое кольцо показалось ей неинтересным, она «повозила» его носом по полу, несколько раз куснула, зажав между лап, и оставила в покое. Играть с ним занятно, если вместе с кем-нибудь... А вот другая игрушка показалась ей более интересной. Она напоминала ей какую-то животинку – это был тряпичный кролик, набитый внутри чем-то хрумким и упругим.

«Давай играть!» - Боня носом толкала кролика. Тот не реагировал. Тогда она крепко схватила его за ухо и понеслась в другой конец комнаты, там на полном ходу развернулась, шмякнувшись боком о батарею, и поскакала к противоположной стене. Она бегала с кроликом взад и вперёд, резко меняя траекторию движения, подбрасывала его вверх и ловила, теребила лапами и рвала зубами. Вскоре от игрушки остались только разбросанные по всей квартире небольшие куски ткани, пластика, крохотные прозрачные шарики, которыми был набит кроличий живот. В центре этого безобразия лежала Боня и небрежно рассматривала результаты своих усилий.

«Скучно, - раздумывала она. – Почему никто не идёт? Чем бы ещё заняться?»

И она направилась в прихожую. Сначала присела на пелёнку и «сделала» на ней лужу.

...Этим утром, перед уходом, Алёна впервые вынесла её на руках на улицу, поставила на стылую землю, потянула за поводок. Они быстро добежали до засыпанного гравием и мелкой галькой закутка между домами. Там она сказала собаке: «Давай, сходи в туалет...» Боня долго робко обнюхивала камешки, улавливая острые запахи других собак, часто посещавших это место, потом присела и справила малую нужду. Опять потыкалась носом в землю и... сходила уже «по большому». Алёна тут же собрала её «следы» в полиэтиленовый пакетик, как не противно это было, и отправила в ближайшую урну... Но с тех пор прошло уже часа три, и Бонькин организм снова потребовал облегчения.

Довольная, она повеселела и осмотрелась. Недалеко от двери выстроился ровный ряд обуви: туфли, ботинки, кроссовки, сапоги, -

Алёна любила порядок в доме. Боня уже знала: люди надевают на свои «нижние лапы» нечто подобное и так ходят.

Она внимательно изучила эту шеренгу, тщательно нюхая каждую «обувку». Каждая пара пахла чуть по-разному, и в тоже время, каждая «держала» в себе запах Алёны. Только у одних он был как бы «вкуснее», к другим примешивался резкий дух. Его Боня невзлюбила ещё с тех пор, когда из вольера забирали её первого братца. Так пахли дорогие духи, от которых щенку хотелось чихать. Она и чихнула раз-другой и, раздосадованная этим недоразумением, решила разобраться с ним по-своему. Осторожно ухватив зубами белую лакированную туфлю на высокой шпильке, выволокла её на середину комнаты, уселась рядом, выгадывая наиболее удобный для зубов край. И решила начать с пятки...

Через час-полтора модный туфель больше напоминал старый расхристанный шлёпанец, а к беспорядку на полу добавились остатки изящного ещё недавно каблука, обрывки кожи и подошвы. Настырный щенок, лишь проглотив пару кусочков, убедился, что всё это было невкусным,

...Короток ноябрьский день. Скоро за окном стемнело, и, как всегда, сами собой зажглись фонари. Уставшая от игр и забот, Боня дремала в темноте у порога. Как вдруг услышала за дверью знакомые шаги, ключ повернулся в замке, дверь открылась, и вошла Алёна.

- А вот и я! – радостно сообщила девушка.

Боня вскочила ей навстречу, оживлённо скуля: «Наконец-то! А то уж и не знаю, что ещё придумать?» Тут же в квартире вспыхнул свет. И... сумочка выпала из рук ошеломлённой девушки:

- Боже мой! – в отчаянии воскликнула она. – Что ты наделала?!

В растерянности она шагнула в комнату, где пол был усыпан обломками крушения нормального девичьего быта. К её любимым изглоданным туфлям-лодочкам на шпильках Боня успела добавить левый осенний сапог – его высокое голенище теперь больше напоминало мочало. И эта была трагедия! Повсюду было разбросано какое-то тряпье, которое щенку удалось извлечь, отодвинув створку шкафа-купе.

О том, что случилось с бедным кроликом, девушка поняла, обнаружив его оторванное ухо... Алёна в сердцах ругала собаку, даже слегка наподдала ей подвернувшейся под руку тряпкой, оплакивала

внезапные невосполнимые потери. Потом долго молча сидела на диване, вглядываясь в домашний разгром, наконец, взялась за уборку. Когда очередь дошла до прихожей, обнаружила, что за день собака сделала три лужи: две на салфетке, одну – рядом на полу. Сделала и ещё кое-что – кучку, от которой исходил тот ещё аромат.

Не скоро Алёна навела порядок. Что-то выбросила в мусоропровод, что-то – смыла в унитаз. Всё это время Боня просидела под кроватью, уткнув мордочку в передние лапы и грустно размышляла: «Не понимаю, что такого я сделала? Ну, поиграла, ну, погрызла – зубы-то чешутся... Вот бы сама посидела целый день без дела...»

По маме и по прежней жизни Боня скупила совсем мало, максимум дня три, и то – ночью и тихо-тихо, почти как мышка. А вот спать на своей лежанке привыкала долго. Ей больше нравилось укладываться под Алёнин бок, и на это её новая хозяйка – добрая девичья душа – не возражала.

Но сильнее всего на свете маленькая Бонька любила гулять в лесопарке, названия которого проживающие в округе люди то ли забыли, или вообще не придумали.

Топать до него от метро Молодёжная, где стоял их дом, – всего-то метров четыреста. Парк зарос березняком и кустарником вперемежку со стройными соснами. Он был лишь чуток засыпан снегом, которого в эту зиму было очень мало. Весь исчерченный тропинками, заваленный сушняком и отмеченный многочисленными костровищами с пустыми пивными банками, бутылками, обрывками бумаги, грязными пакетами и ещё чёрте какими отпечатками посиделок разномастных компаний, он казался Боне настоящим лесом. Ведь настоящего леса она ещё не видела. А снег казался ей чудесным ковром: хоть валяйся на нём, хоть ешь его.

Теперь, стоило только хозяйке вывести её на улицу, собака тянула поводок в сторону темнеющих вдалеке деревьев. Впрочем, Алёна и не возражала – в неухоженном, на первый, да, впрочем, и на второй взгляд, парке от стабильных «восьмидесятых» годов сохранилось несколько приличных дорожек с искусственным освещением. Поэтому гулять здесь не страшно даже в бесконечные зимние сумерки.

К парку Боня неслась вскачь, и Алёна еле поспевала за ней. Зато, когда они входили под кроны деревьев, малютка преобразалась. В ней сразу просыпался древний инстинкт бигля-охотника. Она утыкала коричневый кончик носа в замёрзшую, припорошенную снегом, землю, медленно и методично обнюхивая всё подряд: сухую траву и стволы деревьев, тропинки и следы на них.

Если замечала вдалеке голубей или ворону, слегка приседала на лапах, вытягивалась в струнку и медленно приближалась к намеченной птице. Потом делала рывок в её сторону, и... птицы разлетались, кто куда. «Не очень-то и хотелось...», - фыркала четвероногая охотница, тут же забывала про них, снова утыкаясь носом в землю. Теперь уже недовольная Алёна тянула поводок, одёргивая щенка от заинтересовавшего запаха.

Оказывается, в этом лесу – к щенячьему удовольствию – также прогуливалось много разных собак. Завидев издали сородича, Бонька бросалась к нему со всех ног, неважно, какого размера бывала встречная собака. Ей казалось, чем больше «барбосина», тем лучше. Можно стремительно носиться с ней, куда глаза глядят. Она стремглав бесстрашно подскакивала к встречной псине, будь то огромная овчарка, могучий ротвейлер, голубоглазая хаски или же маленький джек-рассел, и, не успев даже как следует обнюхаться с незнакомцем, подпрыгивала перед ним или клала передние лапы ему на спину, предлагала: «Давай, побегаем!» И тут же неслась вскачь – длинные уши болтались по воздуху.

Если повстречавшаяся собака принимала предложение и бежала вслед, Боньку было не остановить, да и не догнать. Она носилась меж деревьев без остановки, как угорелая, – и четверть часа, и все полчаса, могла и больше. Чаще всего в этом соревновании новый знакомец «упахивался» так, что ложился на землю, высунув красный язык, а Боне – хоть бы что.

«Ну, давай ещё! – нетерпеливо звала она. – Что же ты?»

- Гляди-ка, маленькая, а бегают быстро, как заводная, - одобрительно удивлялись собачьи хозяева...

- Так это ж бигль – гончая порода! - с нотками гордости в голосе соглашалась Алёна и брала Боню на поводок. А та с удовольствием позволяла себя гладить, как говорится, и своим, и чужим...

Очень нравилось Боне исследовать «оттиски» лесных костров и того, что разбросали рядом с ними беспечные люди. Алёна сразу поняла, что эти стоянки «homo sapiens» надо обходить стороной, что, однако, удавалось не всегда. Такая черта характера, как хитрость, у биглюшки была заложена в генах.

Она с абсолютным безразличием как бы подчёркивала, что следы человеческих кутежей меня совершенно не интересуют. С первого раза обязательно обходила костровище стороной. Затем притормаживала, делая вид, будто что-то тщательно вынюхивает, совершала широкий круг по периметру свершившегося людского праздника, так равнодушно поглядывая в его сторону, прикидывая, что и где тут происходило и чем можно попользоваться. Очень медленно, нехотя приближалась к намеченному месту. После чего мгновенно выхватывала из-под какого-нибудь сучка обглоданную кость или что-либо в этом роде и со всех лап мчалась в противоположную от Алёны сторону, на ходу торопливо поглощая останки еды. И как бы не сердилась на неё Алёна, пытаясь отобрать эти негодные «харчи», Боне чаще всего удавалось поживиться.

- Отдай! – сердито кричала девушка. – Выплюнь! – она старалась разжать собачьи челюсти. – Фу!

«Ну, уж нет, - кряхтела и порывивала упрямая Боня, крепче сжимая зубы. – Моя добыча! Ни за что не отдам!»

Но больше всего в дальних прогулках эта красотуля-пусичка норовила найти отходы жизнедеятельности людских кишечников, поваляться в которых считала для себя несказанным удовольствием.

- Да что же это такое?! – выходила из себя Алёна после очередной такой собачьей выходки. – Что натворила! Зачем ты вывалялась в этой дряни! Дворняжка бездомная! К тебе же подойти невозможно, воняет, как на помойке...

Довольная Бонька гордо семенила рядом с хозяйкой домой и радовалась жизни: «Эх! Как она не понимает? Я же – лесная ищейка... Чтобы выйти на добычу, надо спрятать свой истинный запах... Я её запутаю чужим запахом... Разве не понятно?!»

А дома Алёна, закрывая нос и морщась от отвращения, тщательно отмывала «лопоухую псишку» в собачьем парфюме, совершенно не догадываясь, что дикие волки ещё много тысяч лет назад научились валяться в экскрементах других животных, чтобы не пахнуть как волк.

Чтобы жертва не могла по запаху определить близкую опасность, и для волка проще было добыть себе пищу. Потомки волков унаследовали этот инстинкт и спустя тысячелетия пользуются той же самой логикой.

- Будешь так продолжать, отдам тебя в приют, - грозила Алёна Боне, насухо вытирая её сразу двумя махровыми полотенчиками.

Боня терпела, глядела на неё грустными глазёнками, кумекая своими щенячьими мозгами: «Отдаст она, как же... Я же теперь из твоей стаи, а ты – из моей... Как мы друг без друга?!»

...Семён опять насильно раздвинул челюсти изо всех сил упирающейся собаки, а Глафира плеснула ей в горло остатки чёрной жидкости. Боня снова раз-другой глотнула, не почувствовав ни вкуса, ни запаха. И решила покончить с этой экзекуцией, начала рваться на волю.

- Может, дадим ей полежать? – робко предложил Семён.

- Ладно, - тяжело всхлипнула Глафира. – Оботру её, и отнесёшь на кровать...

Бонька же не дала обтереться, вывернулась из рук и выскочила из ванной. На повороте скользнула по паркету мокрыми лапами и «юзанула», едва удержавшись на ногах.

- Видишь? – тут же громко среагировала Глафира. – Может, у собаченьки уже ножки отказывают! А мы... Что делать?

«Да отстаньте, наконец! – Боня запрыгнула на кровать, желая с головой зарыться в подушки. – Будете ещё приставать, точно, тятну...»

- Давай всё же подождём, Глашь, - Семён взял жену за руку, чтобы хоть немного успокоить. – Посмотрим, как она...

- Думаешь, обойдётся? – Глафира покачала головой. – Подождём с полчаса...

С Глафирой и Семёном Боня познакомилась примерно через месяц жизни в Алёнином доме. Однажды та сказала ей:

- Пора тебе, собаченция, познакомиться с моими родителями. Поедем с тобой во Владимир.

Боня снова оказалась на переднем сиденьи и отправилась в первое в жизни настоящее путешествие. Алена уже не раз катала свою питомицу в автомобиле, но это были короткие поездки – в гости к друзьям или в дальний парк. В этот же раз ехали долго, часа четыре с лишним. Остановились только однажды: потребовалось заправить машину, а Боне – справить малую нужду...

Бонька сильно притомилась в поездке. Сначала она то и дело становилась передними лапами на дверной подлокотник, утыкалась мордашкой в стекло и с любопытством разглядывала проезжающие за окном машины, мелькающие деревья, дома и людей. Иногда Алена опускала ей стекло, и собака свешивала голову на улицу, звонко погавкивая на соседние авто. Водители улыбались, приветливо махали ей руками, сигналили. И Боне, и Алёне нравилось это внимание.

Вскоре Боне надоело высовываться, а, может, её укачало от вонючих выхлопных газов улицы, и она ненадолго прилегла на своём сиденьи, куда хозяйка постелила мягкий коврик. Однако дальняя дорога всё не кончалась, и Боню это начало тревожить не на шутку. «Куда она меня везёт, - забеспокоилась она. – Не бросит ли в этом далеке?»

Четвероногая подружка решила на всякий случай приласкаться к девушке. Вначале она положила голову на локоть правой Алёниной руки, но девушка лишь пару раз погладила щенка по голове, не отрывая внимания от руля и дороги. Тогда Боня, неловко шкрябая лапами по кожаной обивке, перебралась к ней на колени, раз-другой лизнув её запястье.

- Мешаешь ты мне, - сказала Алёна. – И чего тебе на своём месте не сидится? Чего крутишься, как сосиска на горячей сковородке?

«Волнуюсь я, - вздохнула Боня. – Беспокойно что-то... Я лучше у тебя полежу», - она закрыла глаза и задремала.

Во владимирский дворик они приехали, когда густые мартовские сумерки сменились ночными потёмками.

Алёна тихонько припарковалась у родительского подъезда, потрепала Боньку за ухо:

- Ну чего разлеглась, сосиска? Вставай, приехали, пойдём знакомиться...

Боня отчаянно зевнула, показав длинный влажный язычок, осторожно выпрыгнула из кабины на мёрзлый асфальт. Встряхнулась, разминая затёкшие лапы, тут же присела и напустила лужу, скребанула задними ногами по земле, будто хотела присыпать её чем-нибудь, снова встряхнулась и глянула на хозяйку: «Я готова, веди».

В Глафире и Семёне Боня сразу признала членов своей «стаи»: они радостно обнимались и целовались с Алёной, оживлённо расспрашивали её о дороге, о делах, о жизни. Своя порция восторгов досталась и Боне: её гладили по голове, теребили уши и хвост, поднимали на руки, чтобы прижаться лицом к её мордашке и сказать ей: «Привет!» Ею откровенно восторгались. Ну, кому такое не понравится?!

Боня тоже чутко обнюхала и внимательно осмотрела их. От Глафиры пахло вкуснее, чем от Семёна. Зато Семён показался ей серьёзнее и совсем «не такой», как девочки... Но самое главное, почему Боня приняла их за «своих»: несмотря на множество запахов, которые обнаружились в этом доме, - один из запахов, едва уловимый, был такой, который она очень хорошо знала, - едва заметно они пахли так же, как её Алёна. Поэтому Бонька сразу же расслабилась, оставив свои страхи и сомнения за порогом дома со «своими» людьми.

Квартира родителей была больше, чем Алёнина. Вначале Бонька неторопливо обошла каждый уголок, а уже через четверть часа весело носилась по комнатам, смешно «пробуксовывая» при резких поворотах на гладком полу.

- Только убирайте с пола обувь, тапки, одежду, - предупредила Алёна. – Если она что-нибудь схватит, не отберёшь, пока не изорвёт, не истреплет. Да ещё и рычать начинает, сердится, что я у неё добычу отбираю...

- А я свой носок не могу найти, - растерянно откликнулся Семён, одна нога у него была в носке, другая – босая. – Вот тут, у дивана, оба положил...

- А где наша маленькая мордашка? – отозвалась Глафира. – Затихла!

Они разбрелись по комнатам в поисках малышки. А та притихла, забившись в щель между кроватью и тумбочкой, придавила скрутившийся в комок носок и деловито обнюхивала тряпичный

трофеей. Она слышала, что её ищут, но вылезать из своего укромного местечка не собиралась, зная по опыту, что добычу тотчас отберут: «Ни за что не отдам!», - твёрдо решила Боня.

Однако, стоило Глафире загреметь на кухне тарелками, собирая ужин, собака тут как тут оказалась у стола, забыв про свою поживу, которую торжествующий Семён, кряхтя, извлёк из-под тумбочки и надел на ногу. А когда в ходе затянувшегося ужина Глафира, незаметно для ворчавшей по этому поводу Алёны, надавала Боньке со стола лакомых кусочков, «четвероножка» окончательно решила, что пока жизнь удалась.

Почивать она улеглась с Алёной на диване, однако ж ей не спалось. Стоило хозяйке уснуть, Боня осторожно срыгнула в темноте на коврик и прокралась в спальню, тихо цокая по полу коготками. Постояла возле кровати, на которой спали родители, прислушиваясь к мерному сопению Глафиры и похрапыванию Семёна, потом вспрыгнула на постель и улеглась у них в ногах, решив, что так будет лучше караулить, чтобы новые знакомцы не сбежали ночью куда-нибудь. «Знаю я людей, - сквозь дрему размышляла она, - сначала дадут вкусняшек, а потом исчезнут насовсем...»

На следующий день они всей гурьбой направились за город на Алёниной машине. Боня по обыкновению сидела впереди, гордо поглядывая по сторонам. Ей нравилось, что день был солнечный и весёлый, по обочинам дороги угадывались грязноватые снежные «отрыжки». И встречного транспорта было немного.

Вскоре они оказались в настоящем сосновом бору. Он был засыпан белым, едва подтаявшим снегом, пронизан лучами солнца, которые так ярко отражались от выбеленных полянок и застывших цветочных клумб, от покрытых тонким ледком лужиц, «изготовленных» накануне весенней оттепелью, что Боня невольно щурила свои любопытные глаза. Такого леса, высокого, светлого, с одуряющим ароматом хвои, она ещё не видела.

Вольный ветер подул в вышине, мерно раскачивая макушки деревьев, отчего лесные великаны тихонько зашуршали. Чуткое ухо псишки уловило этот древесный «диалог», ей вдруг почудилось, что за этими

звуками скрывается какая-то угроза. Она поджала хвост и прижалась к Алёниным ногам.

- Ты чего, трусиха, испугалась? – девушка подхватила собаку на руки. - Идём на ресепшен, устраиваться будем...

Сразу за воротами на огромной территории парк-отеля слева и справа выстроились ровные цепочки, домиков и коттеджей, сложенных из тёмно-рыжих брёвен, двух и трёхэтажных гостиничных корпусов. Ровные дорожки уводили вглубь бора, там вдалеке расположились рестораны, уличная кафешка с пирожками, церквушка, виднелись мангальные беседки, от которых вкусно тянуло ароматом жареного мяса, раздражающим собачий нюх. Боня сразу же захотела чего-нибудь вкусного. Но её «стае» было не до еды: оформлялись на проживание в корпус, где разрешено ночевать с собаками, пристраивали на стоянку отеля автомобиль, носили сумки на второй этаж, в номера – их было два: для Алёны с Боней и для родителей.

Боня, как могла, помогала этой приятной суете, тем более что двери комнат располагались рядом. Она сновала туда-сюда, засовывала любопытный нос в каждый принесённый Семёном с улицы сверток и проверяла все углы, включая туалет.

Потом Семён громко сопел носом, отдыхая от обязанностей грузчика, а Глаша с Алёной обсуждали их временное – на одну ночь – жильё.

- По-моему, уютненько, - ворковала мать. - Номер чистенький, кровать удобная, полотенца высшего качества, ванная светлая...

- Ага, - иронизировала дочь. – Отметь ещё милый гобеленовый интерьер... И холодильник есть, и телевизор. Цивилизация!

«Циви... чего? – не поняла Боня. – Мне нравится, пахнет деревом, а вот пыли хватает и по углам, и под кроватью. А давайте, люди, лучше поедим».

- Есть хочу, - будто подслушал её мысли Семён. – Накрывай-ка, Глаша, стол.

...После сытного обеда захотели прилечь, но Боня не дала.

- Бов-вов! – твякнула она, что означало одно: пошли гулять. И они отправились на улицу.

Здесь было так хорошо и привольно, что Алёна решила отпустить Боню с поводка.

- Гуляй! – легонько шлёпнула она собаку по загривку. – Только смотри, не потеряйся...

Освобождённая Бонька рванула вперёд по дорожке, потом резко тормознула, обернулась, проверяя, все ли следуют за ней. И, убедившись, что вся «стая» движется следом, понеслась вперёд уже без оглядки.

Она резвилась, как могла, казалось, забыв обо всём на свете, шустро носилась взад и вперёд по заснеженным газонам, только уши развевались по ветру. Умаявшись, долго не могла отдышаться, захотела пить и наскоро похватила зубами заледеневших снеговых крошек, которые таяли во рту, превращаясь в обычную воду.

Между тем, вся их компания приблизилась к детской площадке, где гомонила разношёрстная ребятня. Бонька любила маленьких человечков. Обрадовавшись, ринулась в самую их гущу, подставляя спину, голову и уши рукавичкам, перчаткам или просто голым детским ладошкам. Дети восторженно ласкали, гладили и трепали красивую собачонку, и та минут пять неистово плескалась в лучах славы, которая, правда, ей тут же и надоела...

Вернее, внимание Бони внезапно привлекло движение необычного странного существа, которое мелькнуло за стоявшим в трёх-четырёх метрах от игровой площадки невысоким плетёным заборчиком. Она

тут же вырвалась из детского круга и подбежала к плетню – глянуть, кто такой?

Оказывается, рядом расположился минизоопарк, где в отдельных клетках жили белки, бурундучок. На мелких зверушек наша подружка даже взгляда не бросила. Уставилась туда, откуда сквозь плетенье прутьев на неё злыми глазами смотрела чудная морда с крутыми, лихо загнутыми назад рогами, торчащими в разные стороны ушами и неопрятной бородой. Морда остервенело жевала клочок сухой травы.

- А-ав? – спросила её Боня. – Ты кто?

- Бэ-э-э-е-й... – хрипло и маловразумительно ответил козёл.

Ещё секунду биглюшка рассматривала непонятную животину, которая ходила на четырёх ногах с острыми копытцами по небольшому, усыпанному соломой загону, длинная серая шерсть свисала с козьих боков неровными клоками.

Козёл вдруг мотнул головой – Бонька подпрыгнула от внезапности. Бородатый побежал вглубь загона – собака залилась звонким торжествующим лаем. Тот резко остановился, круто развернулся и помчался к забору – Боня от неожиданности присела на задние лапы, поджала хвост. Козёл со всего маху долбанул рогами в плетень – Бонька со страху задала такого стрекача, что Алёне с Семёном пришлось гнаться за ней метров пятьсот, пока собака сама не остановилась, и Алёна прицепила ей поводок.

Вскоре к ним присоединилась запыхавшаяся Глафира. И они решили от греха подальше направиться туда, откуда доносились звуки гармонии и разудалые частушки. Это на местном стадионе, шли гуляния – народ зиму провожал.

Стадион расположился в свободной от сосен низине. Сверху было видно, как в разных его концах ватаги отдыхающих окружили: кто – костёр с догорающим чучелом, кто – деревянные подмости сцены, где ярко разряженные бабы и мужики лихо распевали под аккомпанемент гармониста, кто – длинные деревянные столы, огромный самовар и палатки со снедью и питьём.

Они уже хотели спуститься с пригорка на футбольное поле и присоединиться к этой толпе, но любопытную Боню заинтересовало что-то другое, она уткнула нос в истоптанный снег и, подняв хвост трубой, потянула свою компанию вдоль края возвышенности. Все рысцой двинулись за ней: Алёна, Семён и Глафира. И вышли к

беговым саням, в которые была впряжена гнедая, покрытая чёрной попоной.

Лошадь, похоже, дремала в ожидании работы. На санном облучке сидел парень в куртке и вязаной шапке, в одной руке держал вожжи и неторопливо курил в ожидании клиентов. Завидев спешащую к нему тройцу, он щелчком отшвырнул сигарету, и замахал им, приглашая в свою «карету». Боня даже не взглянула на него, бочком обежала кучера и резво подскочила к задним лошадиным ногам. Стоявшая до этого неподвижно, лошадка переступила с ноги на ногу и мотнула длинным хвостом.

Собака отпрянула в сторону, оглянулась на свою «родню» в поисках поддержки, поняла, что никто не испугался, прыгнула к лошадиной морде и выдала такое звонкое «гав-гав», что кобыла резко подала вперёд и так дёрнула повозку, что кучер свалился со щитка в сани на спину и беспомощно задрогал ногами в стоптанных башмаках. «Тпру, - кричал он. – Тпру, окаянная!», - и натягивал вожжи, но кобыла не слушалась и тянула вперёд. Со стороны вся картина выглядела настолько смешно, что Алёна засмеялась, Глафира захохотала, а Семён заржал, как конь. Виновница случившегося испугалась, её маленький хвостик опять наклонился вниз, она сломя голову понеслась отсюда подальше.

Маленькая Боня так сильно тянула поводок, что Алёна едва успевала за ней. «Боня, - взмолилась, наконец, она. – Боня стой! Куда ты несёшься? Стой! Стоять... – кое-как остановила она собаку.

Тут откуда ни возьмись мимо них по заснеженной дорожке проехал велосипедист. Он ловко крутил педали и уверенно держался в седле, невзирая на склизоту под ногами.

- Тут у них есть прокат, - вспомнила Алёна. – Давайте возьмём велики, покатаемся. Охота покататься, а до лета ещё далеко.

В пункте проката предлагали и велосипеды, и лыжи. Но девушка выбрала себе двухколёсного «коня». Родители, как она не просила их, отказались от сомнительного удовольствия сломать себе шею, как категорично заявил Семён. «Это вам, молодым... – отмахнулся он. – Пойдём, Глаша, лучше на скамеечке посидим, что-то умотался я на этом вашем отдыхе».

Алёна взяла Боню на поводок: «Пусть со мной бегаёт», - и они укатили вглубь бора.

Родители умиротворённо расслабились на скамейке. Полной грудью вдыхали воздух, пропитанный смолистым хвойным ароматом, щурились на солнечный закат, пробивающийся через стволы деревьев, отдыхали... минут пятнадцать.

- Боня потерялась! – вывел их из блаженного состояния отчаянный вопль дочери. – Боню не видели?

Родители вскочили, припустили за Алёниным велосипедом.

- Я поводок отцепила, - оглядываясь на них, торопливо объясняла девушка. – Только на миг отвернулась, а её уже нет! Что делать?!

- Искать! – уверенно заявил Семён. – Ты езжай прямо, мать беги направо, а я – налево. Ничего, найдётся! Собака умная...

Они разделились и начали методично прочёсывать большой парк, покрикивая: «Боня! Бонька!» Изредка их пути пересекались, и тогда каждый отрицательно качал головой, и поиски продолжались снова.

Семён спрашивал на ходу у прохожих: «Собачку не видели? Такая симпатичная, белая с рыжим», - люди в ответ разводили руками, и Семён трусил дальше. Один раз он заметил, как вдалеке мелькнул торчащий собачий хвост с белым кончиком, закричал: «Боня! Боня!», но той и след простыл.

Боне было не до него. Она хоть и услышала, и даже увидела вдалеке Семёна, поворачивать к нему не стала, ведь искала она только свою хозяйку, которая запропастилась неведомо куда. «Я только чуть отстала, - досадовала она на бегу. – А она сразу исчезла на этом своём... Может, бросить меня здесь хочет...»

Вдоль дорожек зажглись фонари. Боне уже в третий раз попадались велосипедисты. Собака делала рывок, догоняя, но всякий раз оказывалось, что в седле восседает кто-то незнакомый. И она вновь кидалась на поиски. Когда, наконец, уловила, встревоженный зов Алёны: «Бонька, ау!», - рванула к ней, не разбирая дороги, через кусты, газоны, клумбы, перемахнула через низенькую скамейку и буквально вскочила в объятия сияющей от радости девушки.

- Ах ты, потеряха! – гладила её хозяйка по голове, нежно трепала за уши и хвост. – Хотела убежать, напугать меня, да? А если бы потерялась?!

«Это ты потерялась, – радовалась Боня, – а я тебя нашла!» – и лизнула Алёну в нос...

Потом все сидели за столом в уютном родительском номере, пили коньяк и заедали Глафириными домашними голубцами, громко обсуждали события дня и хохотали от души. А сытая Боня разлеглась на кровати, сонными глазами поглядывала на раскрасневшихся людей и мнила себя их предводителем.

Хоть и нечасто родители наезжали к дочери в Москву, однако теперь, делали это с большим желанием, чтобы увидеть Боньку.

Та к полугоду подросла, стала выше, стройней и изящней. Глафира нравилась ей тем, что с ней можно хоть до упаду гулять и бегать по улицам и паркам. У Алёны дел побольше, потому и прогулки с хозяйкой всегда короче. Да и вообще, знала Боня, Глаша всегда угостит чем-нибудь вкусненьким, а у любимой хозяйки не забалуешь. Семёна она принимала, как говорится, за компанию, потому что он был «не такой» как девочки.

Характер у «четвероножки» стал вредным. «Чем старше, тем непослушнее», - ворчала на неё Алёна, находя растерзанный собакой очередной туфель, нечаянно забытый у порога, или разорванную кофточку, которую упорная Бонька сумела добыть из-за, казалось, бы наглухо закрытой двери гардеробной.

- Что ты творишь?! – ругала девушка. – Нельзя этого делать! Вот выгоню, будешь знать! Кто в доме хозяин?

«Ага, - раздумывала собака, лёжа под кроватью, куда по привычке пряталась от хозяйского гнева. – Выгонит она, как же... И насчёт хозяина тоже не надо выдумывать... Порезвиться не дают! У тебя бы зубы так чесались...»

Боня грызла подряд всё, что, выражаясь собачьим языком, под лапу попадёт: любую одежду и всякую обувь, бетонные углы стен и ножки мебели, диванные подушки и носки. Бороться с этим было нелегко. Стоило Алёне уйти на работу, забыв что-нибудь спрятать подальше, спасения для этой вещи уже не было.

Хозяйке пришлось менять свой привычный быт, перестраивая его под характер «неуёмной жучки». Знатоки советовали ей переключать внимание неугомимого грызуна на что-то другое. Например, закупить ей побольше крепких собачьих игрушек. Но самых прочных игрушек

хватало ровно на один день. Рекомендовали приобрести кости, типа оленьих рогов – собаки любят их грызть. Однако куски рогов быстро кончали существование в Бониных зубах, и собака вновь принималась за старое.

Едва ли не каждый раз, придя вечером с работы, Алёна заставляла в квартире очередной бедлам. Но, в конце концов, и она приучалась надёжно прятать в доме всё, что можно, чтобы всякий раз на работе лихорадочно не вздрагивать при мысли, что забыла что-то убрать и что Боня сейчас приканчивает это.

На улице Алёна стала реже отпускать подружку с поводка, чтобы та не подьедала за людьми всё, что попадётся. Боня же становилась хитрее: если на прогулке ей удавалось найти что-то съедобное, проглатывала его махом...

Менялись и другие её привычки. Она перестала играть с детьми. Не то, чтобы они раздражали или сердили её. Вовсе нет! Она вообще не умела сердиться ни на больших, ни на маленьких людей. Просто не стала замечать малышей, прекратила, как раньше, тянуться к ним, стоило только им умильно заголосить от восторга при виде красивой собачки.

Изменилось и её отношение к встречным «четвероногим коллегам». Если раньше она, не скрывая щенячьего восторга, кидалась навстречу любой дворняге, то теперь маленькие собачки потеряли для неё всякий интерес. Зато крупным псам и сукам она по-прежнему была рада и без боязни давала себя обнюхать.

Эту охотку к «открытости» не отбил даже ужасный случай, когда встретившийся однажды на прогулке мощный и злой бульдог пребольно куснул два-три раза радушную Боню. Разъярённого пса с трудом оттащили от растерявшейся от боли биглюши, которая потом долго рыдала от обиды, не понимая, за что...

Но едва подзабыв инцидент, снова принялась за своё.

Любая большая псина, стоило только ей появиться на горизонте, продолжала притягивать Боню, как магнит, она сразу предлагала: «Давай побегаем!» И если партнёр или партнёрша принимали её желание, бросалась вскачь. Носилась, как заведённая, до тех пор, пока дружок не выбивался из сил.

С каждым месяцем расширялся кругозор биглюши. Она познавала мир по принципу – не поверю ни словам, ни глазам, пока не попробую.

Однажды извела, что такое купание в водоёме. В один из майских дней Алёна привезла её к знакомым на дачу.

Дом стоял на берегу большого пруда, к которому через двор вела широкая тропинка. Засидевшаяся после долгой езды, Боня выскочила из машины и напрямик рванула к водной глади, не обращая внимания на предупредительные Алёнины возгласы. И на полном скаку нырнула в пруд с головой. Пулей выскочила на берег, ошалело отряхивая с себя ледяные капли и жадно глотая воздух.

Народ покатывался со смеху, глядя на обалдевшую от водных процедур собаку. Зато Боня на собственной шкуре поняла, что весенняя вода – не твёрдая поверхность, как видится со стороны, что она мокрая и холодная. «Нисколько не смешно!» - сердито думала она про людей, но долго обижаться не умела.

...В этот раз Глафира и Семён прибыли в столицу на своей машине.

Ехали по просьбе дочери: ей выпала трёхдневная командировка в Берлин, а Боню оставить было не с кем. Родители отзвонили Алёне, что уже катят по Москве, что кругом пробки, и прибудут они примерно через час. Пока то да сё, Алёна решила сбежать в магазин, взять что-нибудь к семейному ужину.

- Боня, я быстро, - сообщила она собаке. – Жди меня и веди себя хорошо. Скоро приедут Глаша и Семён.

Она ещё раз придирчиво обвела глазами своё прибранное к встрече с родителями жильё, убедилась, что всё накрепко закрыто, обувь и одежда надёжно спрятаны, погрозила подружке пальцем и ушла.

Боня, как обычно, минутку-другую постояла возле двери, почесала передней лапой за ухом. Надо было чем-то занять себя. И она начала обследовать квартиру. Обошла привычные – ничего интересного. На лежанку ей не хотелось, рваные игрушки «приелись», а новых пока не дали, гардеробная надёжно затворена, нигде не видно ни носочка, ни заваливающего тапочка. Скучно!

Чтобы спасти обувь от беспощадных собачьих зубов, Алёна недавно обзавелась высокой обувницей из настоящего светлого дерева, куда надёжно прятала туфли, кроссовки и сапоги.

Боня знала о содержимом обувницы, но открыть хотя бы один из её четырёх отделов ей не удавалось. Она и сейчас покрутилась возле неё и попробовала на зуб её углы – дальше этого дело не пошло. Тогда она оперлась передними лапами о её деревянный фасад, встав на задние и вытянувшись во всю свою длину. Подняла голову и заметила, что на самом верху обувницы стоит Алёнина сумка, одна ручка которой призывно свесилась вниз.

«А если подпрыгнуть, - соображала Боня, - достану или нет?»

Она прыгнула раз-другой – её челюсти клацнули понапрасну, не задев ручки. Сумка не сдавалась. Тогда собака отступила назад, разогналась, подпрыгнула и вцепилась зубами в ручку. Сумка, наполненная всякой девичьей всячиной, рухнула прямо на Боню. По полу разлетелись пузырьки с духами и тюбики с помадой, салфетки и бумажки, расчёски и приколки. Но не они привлекли собачье внимание: из лежащей на полу сумки выглядывал уголок небольшой книжицы малинового цвета. Боня осторожно извлекла её зубами на свет, положила рядом с собой, понюхала. Та приятно пахла искусственной кожей, и чем-то ещё, несомненно, более лучшим, чем навязчивые человеческие духи. Она носом открыла книжицу и начала пробовать её обложку на вкус...

За этим занятием и застала её Алёна. Она выхватила у собаки свой заграничный паспорт и со слезами на глазах разглядывала испорченную заднюю «корочку» переплёта.

- Что ты наделала, безмозглая пустолайка! – с отчаянием в голосе воскликнула она. – Как ты это достала? Ты понимаешь, что с таким паспортом меня теперь не выпустят за границу?! Пропала завтрашняя поездка! Что теперь делать?!

Ей хотелось как следует наподдать Боне, но собака проворно убралась под кровать. И, положив голову на лапы, слушала сердитые крики хозяйки.

И угрюмо раздумывала о том, как хозяйка несправедлива, ведь Боня её искренне любит...

- Да, дела, - многозначительно произнёс Семён, внимательно осмотрев документ. – Хорошо, что только задняя обложка пострадала, всё остальное – цело...

Самолёт на Берлин вылетал рано утром, и за сегодняшний вечер уже ничего нельзя было исправить. На семейном собрании дочери

посоветовали от поездки не отказываться. Мир не без добрых людей, а на таможне – тоже люди. В целом документ исправен, авось, обойдётся.

Из Внуково Алёна вылетела по расписанию. «Сижу в самолёте. Взлетаем. Долечу, позвоню», - прислала она родителям эсэмэску.

- Слава Богу! – перекрестилась Глафира.

- Не торопись славить Создателя, - остановил Семён. – Надо посмотреть, как германец встретит...

Волноваться пришлось до самого обеда. Они с Боней побегали и по парку, и по широченной обочине Рублёвского шоссе с исхоженными собачниками газонами, где под тёплым майским ветерком колыхались ветки с нежными листочками. Съели суп с фрикадельками, наскоро приготовленный Глафирой. Раз двадцать Глаша переспросила неизвестно у кого: «Что же она не звонит?»

Наконец, раздался звонок.

- Я уже иду по делам, - бодро доложила Алёна по громкой связи. – Встретили хорошо, в отель устроилась...

- А с паспортом-то как? – нетерпеливо перебили родители.

- Обошлось, – девушка рассмеялась. – Во Внуково таможню проходила. «Он», как обычно, полистал паспорт. Данные в компьютер ввёл, штамп поставил. А потом перевернул паспорт, посмотрел на заднюю сторону и спрашивает: «Собака?» Я говорю: «Ага, вчера вечером». Он: «Большая?» Я ему: «Бигль». Он серьёзно так: «У меня ризеншнауцер, он поспокойнее. Вернётесь, паспорт замените...»

- А в Берлине? – справилась Глафира.

- Здесь ещё проще, - ответила дочь. – Прибыли в аэропорт Тегель... Там «он» у меня что-то спрашивает типа: «Ду хаст айне катце одер айнен хунд?»

- И чего это? – не поняла мать.

- Вот и я по-немецки ни бум-бум, - сказала Алёна. – Я плечами пожала, не понимаю. «Он» тогда по-английски: «Do you have a cat or a dog?», - У вас кошка или собака? Я ему: «Дог!» И всё, на этом вопросы

кончились... А как там наша собака? Как Бонька? Поди, опять бедокурит? Или скучает?

- Нет пока! – сообщили родители. - Ведёт себя хорошо. Тебя ждёт...

Боня сидела рядом с ними, но в разговоре участия, как водится, не принимала. Она слышала Алёнин голос, однако не понимала, откуда он доносится. А раз не понимала, то относилась к этому равнодушно, знала, что Алёна вернётся.

Когда телефон отключился, Боня зевнула, заглянула в свою миску, где её ждали вкусные мясные шарики. Вечером Глаша угостила малышку настоящим кефиром. Потом долго сидела на балконе, держа Боню на коленях. Собака внимательно разглядывала ряды проезжающих по улице автомобилей, думая о чём-то своём. И поскольку родители целый день были дома, в этот день ничего в квартире не пострадало от собачьих зубов.

...Утром следующего дня Семён отправился в торговый центр за покупками, Глафира хлопотала на кухне, а Боня в большой комнате сосредоточенно грызла вкусную сахарную косточку, которую накануне подарили ей родители.

В шесть месяцев большинство молочных зубов, очень тонких и острых как иголочки, у вислоухой «погрызушки» уже сменились на постоянные.

Первыми у неё поменялись передние резцы, за которыми «лезли» новые, крепкие. В эти дни она чувствовала во рту такой зуд, что, как заводная, глодала всё подряд без остановки. Когда выпал её самый первый резец и белой крошкой лёг на полу, Бонька не поняла, что произошло, удивлённо уставилась на него, слизнула языком и проглотила.

Она потом сглатывала выпавшие зубы, поэтому неопытная собачница Алёна не сразу поняла, что происходит у малышки. Лишь однажды, отбирая у собаки очередную «добычу», она заметила перемены: вслед за резцами у питомицы во рту появились новые зубки, а в глубине пасти прорезались постоянные коренные «крепыши».

Вскоре рядом с молочными клыками начали вытягиваться новоиспечённые клыки. Получались такие пары: старые и новые клыков одновременно. Как с этим быть? – забеспокоилась девушка и отправилась в «ветеринарку». Благо, та была через улицу, путь сюда они с питомицей уже «протоптали» – делали прививки, брали щенячьи

витамины. Здесь же находился собачий «маникюрный кабинет», который Боня тоже посещала.

«Ветеринарку» Бонька не любила, здесь её больно кололи, но укусить строгую, пахнущую собаками, девушку в белом халате она тоже не решалась: мало ли что может за этим последовать.

- У вас всё идёт хорошо, всё в срок, - сказала Алёне ветеринарша-стоматолог, по очереди потрогав Бонькины «зубищи» блестящей металлической палочкой. - Рекомендую слегка раскачивать молочные клыки пальцем, но без особых усилий, и не выдергивать самим. Выпадут, не переживайте, - и она потрепала Боню по холке.

«Не укололи – хорошо», - решила Боня, когда они возвращались домой.

По совету мастера Алёна купила специальную зубную пасту и щётку с мягким коротким ворсом, чтобы чистить питомице зубы. Но Боня сразу невзлюбила эту процедуру, ей больше нравилось самой драить свои зубы, ну, или, выражаясь человеческим языком, грызть всё подряд.

А уж сахарные косточки, подобные той, которой сегодня попотчевала её добрая Глафира, Боня любила особо. Поэтому она исступлённо расправлялась с угощением, не замечая ничего вокруг.

Наконец, лакомство «закончилось»: от него почти ничего не осталось. Боня положила огрызок на пол и прилегла рядом отдохнуть. Однако не успела закрыть глаза, как услышала странный тихий звук: кап-кап... кап-кап... Среди привычных звуков многоквартирного дома этот показался ей ненормальным.

«Что это?» - покрутила Бонька головой – звук явно шёл со стороны стены с окном, наполовину прикрытым плотной портьерой. Она сунула под ткань нос и обнаружила на полу небольшую тёплую лужицу, в которую с батареи отопления на стене капала вода.

«Ой! – забеспокоилась четвероногая жилица. – Такого в моём доме не бывало. Зачем это? А если воды станет много?!»

Она решила позвать на помощь и понеслась на кухню.

- Что ты, Боня? Наверное, есть хочешь? – повернулась к ней от плиты Глафира.

Боня покрутилась у её ног и помчалась назад в комнату. Там присела возле портьеры, подождала Глашу. Но та не пришла. Между тем, звук

стал непрерывным – кап-кап-кап-кап... Собака вздохнула и снова поскакала на кухню.

- Играть? - не оборачиваясь, спросила её Глафира. - Погоди, скоро закончу и поиграем.

Боня вернулась к намокающей портьере – здесь капало вовсю. Это всерьёз испугало псишку. Боня твякнула на портьеру и опять прибежала на кухню, стала прыгать возле Глафиры и призывно гавкать. А когда та в очередной раз попыталась отмахнуться, Боня ухватилась зубами за широкую брючину её домашних штанов и потянула.

- Ты куда меня тянешь? – удивилась Глафира.

Боня выпустила штаны и двинулась в комнату, постоянно оглядываясь на женщину.

- Ну, что там? – двинулась за ней Глаша. – Показать что-то хочешь?

В комнате Боня уселась рядом с портьерой и снова призывно глянула на Глафиру.

- Что тут? – не поняла та, но наклонилась и приподняла портьеру. Не сдерживаемая больше тканью, лужа стала быстро растекаться по полу.

– Божички же вы мои! - запричитала Глафира, увидев этот нарастающий потоп. – Ой! Что делать?!

Она заметалась по комнате, принесла из ванной ведро и тряпку, начала собирать воду. Однако из батареи продолжала сочиться горячая струйка. Глафира нашла на балконе пустую банку из-под краски, кое-как приспособила её к месту утечки.

Всё это время Боня лежала рядом и наблюдала за этой суетой. «Наконец-то! – облегчённо соображала она. – А то зову, зову – не идёт...»

Тут вернулся Семён и вызвал дежурного слесаря. Слесарь скоро явился, проворно отключил отопление и мигом замотал чем-то протекающее место, потом посидел возле него на корточках, подождал минут десять и многозначительно доложил:

- Вашу протечку я «заклепал» на холодную сварку. С год простоит, если трогать не будете, а потом всё же придётся секцию в радиаторе заменить. Можно и этим летом.

- Уже май на дворе, а отопление всё не отключают, - поддержал мужской разговор Семён.

- Должно быть, не сегодня-завтра отключат... – ответил слесарь и добавил после паузы. – Хорошо, что днём случилось, и вы дома, и хватились скоро... А кабы ночью... Весь подъезд вниз по стояку «затоп» бы...

- Да, - вмешалась с дивана Глафира. – Мы сразу спохватились. Вот наша спасительница, - погладила она лежащую на коленях собаку.

«Может вкусненького дадут», - прикинула Боня.

А Глаша будто прочитала её желание и угостила большой и сочной морковкой.

К началу лета наша «левретка» ещё вытянулась и похорошела. Однако её характер портился прямо на глазах. Мало того, что она продолжала хватать в доме всё, что попадает под лапы и убегать со своей добычей под кровать, откуда рычала на любого, кто посмел отбирать у неё носок или тапок, так теперь норовила цапнуть смельчака за палец или за ногу. В таких случаях могло достаться и хозяйке.

На прогулках она даже ухом не вела в ответ на Алёнины команды.

- Ко мне! – кричала ей Алёна.

А собака вместо этого убегала ещё дальше. Могла неожиданно выхватить у хозяйки перчатку и закопать её где-нибудь в прошлогодней траве – ищи-свищи, а потом скакать вокруг девушки, ликуя от своей ловкости.

Если слышала от Алёны: «Нельзя!» – делала всё наоборот. Хитрила и принимала вид, будто не понимает команд или назло упрямо отлынивала от их выполнения, частенько пропускала приказания мимо ушей: не слышу, мол...

- Лапки мыть! – приказывала ей девушка, когда они возвращались с прогулки домой. Боня нарочно вырывалась из рук хозяйки и с грязными ногами запрыгивала на постель, искоса бросая на хозяйку очаровательные взгляды ореховых глаз.

Алёна пыталась ругать биглюху за проделки, но ничего не помогало. А один случай вывел хозяйку из равновесия так, что она твёрдо решила: надо что-то делать с Бониным характером.

ЧП произошло 12 июня. Алёна хорошо запомнила эту дату – в этот день отмечали большой российский праздник. В вечерних сумерках в разных концах города внезапно загремели салюты, и в небе заиграли всполохи фейерверков.

Именно в это время Алёна прогуливала собаку в любимом парке. Заслышав хлопки огненных забав, Боня боязливо поджала хвост и будто прилипла к ногам хозяйки. «Ты чего, трусишка? – наклонилась к ней Алёна. – Не бойся...», - только и успела она сказать своей собачуле, как прямо над их головами оглушительно громынуло: «бах-бабах».

Девушка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Потом последовало громкое сухое шипение: фиу-фиу-фиу, – потоком понеслись в тёмное небо тонкие яркие струи огня. На высоте они начали рассыпаться на громадные цветы-купола всех размеров и цветов – красные, синие, голубые, жёлтые. Всё небо засияло, заискрилось. А ввысь с грохотом неслась уже новая огненная лавина.

Засмотревшаяся на фейерверк, Алёна опустила глаза – Бони нигде не было видно.

- Боня! Боня! Ко мне! – закричала Алёна.

Пробежала по одной тёмной тропинке, свернула на другую, на третью – собаки не было. Вокруг грохотало, всполохи салюта фантастическим светом озаряли парк, деревья и кусты. Девушка выскочила на освещённую фонарями дорожку, кинулась по ней налево, потом направо, спрашивая на бегу у редких прохожих – собаку никто не видел.

А в это время Боня неслась по лесу напролом, не разбирая дороги. «Ой-ё-ё-ё-й!!!» – гудело в её маленькой голове. А сердце испуганной биглюхи ушло, наверное, в пятки задних лап. И каждый новый залп салюта, казалось, только ускорял этот невыносимый бег. Она настолько испугалась канонады, ярких вспышек, вызывающего запаха сгоревшего пороха, что могла долго бежать, куда глаза глядят...

Но грохот внезапно смолк, а через несколько секунд в небе погасли последние огненные «цветы». Стало так тихо, что Боня остановилась и прислушалась. Вдалеке как обычно гудело полное машин шоссе.

Чуть в стороне от дороги дребезжал звонок подъёмного крана: там день и ночь строили квартал из многоэтажек. Доносилось тонкое тьяканье моськи.

«Где я? – начала озираться запыхавшаяся Боня. – А где хозяйка?» - она заметалась, хаотично забегала по едва заметным в темноте тропкам. Но вскоре поняла, что заблудилась, и, пораскинув мозгами, сообразила – надо отыскивать не Алёну, а дорогу домой.

В это время Алёна продолжала кликать Боньку. Ей уже начало казаться, что её маленькая подружка безнадёжно потерялась. Воображение рисовало страшные картины похищения любимой псишки злыми людьми или, не дай Бог, гибели «четвероножки» под колёсами автомобилей...

Прошёл час, как девушка разыскивала собаку в ночном парке, голос охрип от крика, в темноте она в кровь расцарапала колени об острый сучок. Вдруг зазвонил телефон, и знакомый голос консьержки из их подъезда вежливо спросил: «А вы где, Алёна Семёновна? Вас тут собачка дожидается...»

Алёна со всех ног понеслась домой. Боня сидела возле лифтов первого этажа и терпеливо ждала её. «Наконец-то, - радостно подпрыгнула она навстречу своей владелице. – Сижу тут полночи...» Она хотела бы рассказать Алёне, как до смерти перепугалась салюта, как со страху убежала в лесную даль, как сама нашла в темноте обратную дорогу – по запахам, по звукам и другим, одной ей понятным приметам. Но разве всё это передашь простым собачьим языком?! «Гав-гав!» - только успела промолвить Боня, как сразу же очутилась на руках у Алёны. Девушка крепко прижимая псишку к себе.

А консьержка расхваливала собаку: «Смотрю, подошла к подъезду и присела – ждёт, когда кто-нибудь пойдёт и дверь откроется. А потом – к лифту, снова села ждать. Какой этаж-то она не знает...»

«Да знаю я, какой этаж, - прикидывала в уме Боня, слушая похвалы. – Я кнопку хорошо запомнила, только лапы до неё не достают».

.....

В общем, Алёна решила повести Боню на дрессировку. Нужный кинологический центр отыскала довольно скоро, благо, их число в мегаполисе показалось безграничным. Она перебирала в интернете объявления, читала отзывы собачников, примеривалась к цене, пока не нашла подходящего варианта.

Когда они с Боней подъехали к центру, Алёне показалось, что раньше в нём, скорей всего, располагался дворец культуры. По крайней мере, помещение, где проводились «собачьи» занятия, в прошлом было актовым залом, из которого вынесли всю мебель, а большую деревянную сцену сохранили.

На общее занятие собралось десятка два хозяев со своими разномастными питомцами, многие из них вели себя суетливо и «громко». Бонька тоже внесла свою лепту в этот бестолковый хор: гавкнула для порядка и, чтобы засвидетельствовать своё почтение четвероногим коллегам, обнюхалась с ближайшими соседями.

Вначале инструктор-дрессировщик попросил людей достать и приготовить вкусняшки для поощрения «четвероногих». Потом все вместе учились выполнять команду «рядом». В разноголосом шуме

Бонька хорошо слышала голос Алёны, но не особо торопилась выполнять её приказы, больше похожие на вежливую просьбу.

Инструктор переходил от одной пары к другой, поправлял хозяев, подсказывал, как надо действовать, хвалил собак. Постоял возле Алёны, посмотрел, послушал, показал, как держать в руке вкусняшку и как давать её собаке, посоветовал: «Больше жёсткости в голосе».

Из всего занятия Боне больше всего понравились кусочки варёного говяжьего мяса. Она, конечно, догадалась, что их дают за то, что подойдешь и встаёшь возле хозяйки, однако непоседливая упряmica не очень-то слушалась Алёну в надежде, что угощение можно получить и за просто так и что лучше пробежаться между соседями и посмотреть, как идут дела у них.

Они ещё трижды ездили сюда на уроки. Боня через два раза – на третий выполняла команду «рядом», дальше этого не шло. Алёна уже начала было отчаиваться из-за слабых способностей своей «четвероножки», как соседка по тренировкам поделилась с ней своими соображениями:

- Не переживай так сильно. У моего пёсика тоже плохо получается. Говорят, надо поискать другое место, и лучше, если клуб будет на открытом воздухе.

«И правда, - решила Алёна. – Чего я парюсь, поищем что-нибудь другое...»

Кинологический клуб с открытой площадкой оказался совсем близко к дому – на Рублевском шоссе. Боне тоже больше нравилось заниматься на открытом воздухе – на поле размером чуть меньше футбольного. Территорию здесь огородили высоким забором, который приглушал звуки моторов.

Первое, что сделала Боня, – обежала всю поляну для дрессировки, обнюхала и осмотрела разные по высоте барьеры для прыжков, трапы, бумы, трамплины, лестницы, обследовала полосу препятствий. Тут можно было одновременно заниматься с несколькими собаками и даже проводить групповые тренировки. Однако сегодня других животных на площадке не обнаружилось.

Она вернулась к хозяйке, довольно повиливая острым хвостиком. А та разговаривала с невысокой, спортивного вида девушкой, как оказалось, кинологом Юлей, от крепких башмаков которой сильно пахло собаками. «Наш человек», - отметила биглюшка.

- Давай знакомиться! – предложила Боньке Юля. – Иди на поводок... Шлейки у нас нет? А нам и не надо! Такой красавице хватит и ошейника... Так, что мы умеем? Боня, рядом! – громко и строго приказала девушка.

Боня, не раздумывая, подскочила к ней, присела и тут же получила вкусный кусочек. «Да я за ваше мясо...», - смекнула собачонка, с удовольствием сглотнув его.

- Молодец! – похвалила Юля. – Теперь сами пробуйте. Пока обрабатываем эту команду...

А вот так же слушаться Алёну Боня не хотела, без конца показывая строптивный характер. В ответ на приказы хозяйки капризничала: то пыталась отбежать, насколько позволял поводок, то, не останавливаясь, крутилась у её ног, то вообще норовила сделать вид, что не слышит.

- Поводок держите вот так... Пусть она видит, что у вас есть угощение, - учила Юля Алёну. – И командуйте построже, поувереннее... За хорошее выполнение обязательно надо хвалить... Ни в коем случае не обманывать с лакомством, а то она может потерять доверие. Давайте, покажу, – девушка снова взяла инициативу в свои руки.

Боня слушалась её, как загипнотизированная.

- Не переживайте, - подвела итог первого занятия Юля. – Это же бигль, у них характер особый, строптивный. Всё норовят сделать «поперёк». Ещё дома позанимайтесь. К следующему разу будет лучше, вот увидите!

«Какая молодец, всё про меня знает», - повеселела Бонька.

- Не бойтесь её воспитывать! – говорила Юля на втором занятии. – Не хотите наказывать – не наказывайте, просто тон меняйте на грозный и поводок дергайте. Когда собака делает правильно, хвалите громко. Ведь для неё похвала – это мотиватор не слабее кусочка.

В дрессировке многое зависит от собачьей породы, объясняла девушка. К примеру, лабрадоры что угодно сделают за кусок мяса. Им даже объяснять долго не надо. А таких эгоистичных и упрямых, как афганская борзая, нужно поискать. Но, оказывается, бигли вобрали в себя качества и лабрадоров, и афганских борзых.

- Однако и бигли бывают разные, - успокаивала Юля. – У вашей всё будет хорошо, надо только её как следует социализировать... – и она

учила хозяйку, как находить подход к собаке, доходчиво объясняла, что нужно делать.

А Боня, кстати, полюбила бывать на курсах дрессировки, хотя, в её небольшом собачьем лексиконе вряд ли были такие серьёзные слова. Скорее всего, она думала: «Как хорошо, что мы опять едем в то прекрасное место, где хозяйка меня любит и даёт вкусняшки...»

Через некоторое время Боня начала хорошо выполнять команды «ко мне» и «рядом», научилась ходить возле хозяйки по улицам и по тропкам парка, не тянула на прогулках поводок сломя голову, как это бывало раньше.

А вот выполнять команды «сидеть» и «лежать» Алёнина воспитанница не любила. Ну что возьмёшь с непоседы?! Эти приказы закрепляли дольше, пока у Бони не выработались необходимые навыки.

Вместе с Боней тренировалась и Алёна: освоила командирский тон, применение безапелляционного слова «нельзя» в сочетании с резким одергиванием поводка.

- Глупых собак не бывает, – обронила как-то Юля. – Бывают глупые дрессировщики... – и, глядя на вспыхнувшее лицо девушки, поспешно добавила. – Это я о некоторых работниках нашего клуба.

...Через пару месяцев Боня с удовольствием освоила игру под названием «апорт». Это занятие ей очень понравилось. Алёна как можно дальше бросала какую-нибудь палку – в кусты или между деревьев, и собака по команде приносила её. Потом они заменили случайные палочки резиновым кольцом. Причём, замену предложила сама Боня: однажды Алёна увидела, как собака, выходя из дома на прогулку, держит кольцо в зубах. «Мне разные ветки ни к чему, – решила Бонька. – С моим кольцом играть интересней».

- Апорт! – громко и весело кричала Алёна, далеко закидывая игрушку.

Боня, как угорелая, носилась за кольцом.

А возвращая его хозяйке, уже не бросала игрушку под ноги – отдавала прямо в руки, получая взамен лакомый кусочек.

Дольше других они отрабатывали команду «голос». Боня не очень-то любила гавкать по пустякам и всегда с иронией посматривала на мосек, которые на прогулках без передыха тявкали на всё и всех. Она считала, что гавкать надо только по случаю, а не ни с того ни с сего – пусть даже и по просьбе любимой хозяйки. Но, как говорится: упорство

и труд – всё перетрут: «Если за «гав-гав» тоже дают вкусняшки, почему бы и нет...»

В ветеринарку всё-таки решили не ходить. Хотя поведение Бони не внушало Глаше оптимизма. Они с Семёном сидели на Алёниной кровати, где лежала собака. Её ровное дыхание иногда прерывалось быстрыми короткими вздохами, во время которых Боня дёргала лапами и поскуливала, – видно какие-то сновидения проносились в собачьей голове.

- Как думаешь, она спит? – прошептала Глафира. – Не должна же она сознание потерять?

- Вроде, спит, - неуверенно ответил Семён.

- Вроде, вроде, - передразнила жена. – Всё тебе невдомёк. Господи, только бы обошлось...

И она на цыпочках направилась на кухню, муж тихонько поплёлся за ней.

- Знаешь, кто такие догхантеры? – Глафира поплотней закрыла кухонную дверь.

- Неа, - покачал головой Семён. – Это что за звери такие?

- Вот именно, звери! Они отравленные приманки по улицам разбрасывают, чтобы собака съела, отравилась и умерла. Они появились у нас.

- Откуда знаешь? – нахмурился Семён.

- Я сегодня утром объявление на дереве увидела, - ответила Глафира. – Кто-то написал для владельцев собак, что в округе появился догхантер, будьте, мол, бдительны. А потом с дамой одной постояла на прогулке – у неё сиба-ину, рыженькая такая, симпатичная... Так она говорит, все местные собачники про это слышали, очень боятся...

И Глафира подробно передала мужу этот разговор. Догхантеры – это охотники на собак. Стрелять в Москве нельзя, так они уничтожают безнадзорных псин отравленной едой. «Так то ж, безнадзорных...», - поднял на неё глаза Семён.

- Ты не понимаешь! – всплеснула руками Глаша. – Думаешь, они скармливают приманки по системе: из рук – в пасть? Они едут просто разбрасывают!

А чтобы собака «клюнула» на отраву, объяснила Глафире владелица сиба-ину, они её маскируют под вкусняшку из фарша, паштета, ливерной колбасы, конфеты, начинив токсичными реагентами, солями синильной кислоты, цианидами. Смешивают противотуберкулезные таблетки со снегом, снег от них становится розовым, опасным для животных, которые погибают в страшных муках.

- Действительно, зверьё! - выдохнул Семён.

- А я что говорю! – снова всхлипнула Глафира. – Сходи, посмотри, наша Боня дышит?

После первого года жизни зубы Бони уже полностью заменились. Поведение её стало более степенным, многие детские капризы и привычки ушли в прошлое. Хотя, далеко не все. Этот возрастной период собаки напоминает подростковый возраст человеческих детей: четвероногий друг в эту пору равен подростку 13-14 лет, который уже хорошо понимает, что от него требуется, но хочет сделать по-своему. Например, упрямства ей по-прежнему было не занимать. Да и гиперактивность, присущая биглюше, частенько проявлялась.

Как ни отучала её Алёна от привычки грызть в доме всё, что только попадёт на глаза или в зубы, помогало мало. Шкаф в коридоре и входную дверь в гардеробную приходилось держать на крепких запорах. Всякие декоративные магазинные штуки тут не проходили – Боня «вскрывала» их в два счёта.

Только одно отвлекало псишку от туфель или одежды – жёсткие собачьи игрушки необычного вида. Поэтому в Бонином уголке не переводились разные крокодильчики и бегемотики, черепашки и ёжики из крепчайшей ткани. Некоторые из них дольше других сопротивлялись натиску Бониных зубов, но конец у всех был один...

Алёна так привыкла к совместной жизни со своей животинкой, что много и не представляла. Приходя домой, видела радостные Бонины глаза, которые переполняет искренняя любовь и преданность. Собака начала удивительно тонко чувствовать любое колебание в настроении

хозяйки. Она стала переживать вместе с ней, замечая у Алёны не лучшее расположение духа, и искренне ликовать, когда та на позитиве.

Интересно, что если Боня видела Алёну в хорошем настроении, то нередко начинала шалить сама. Становилась непослушной, даже могла по-своему нагубить. Будто проверяла, как далеко она может зайти в своём непослушании. Иной раз начинала рычать, стоило девушке тронуть её любимую игрушку. «Это моё, не трожь! – была уверена Бонька. – Захочу, сама дам тебе поиграть».

В такие минуты Алёна могла и прикрикнуть на питомицу, объясняя ей, кто всё-таки в доме хозяин...

Лишь к полутора годам совместной жизни собака окончательно приняла лидерство хозяйки. К этому времени девушка на собственной «шкуре» знала: иметь в доме собаку – совсем непростое и очень кропотливое дело. Что обучение и воспитание «четвероножки» надо проводить постоянно, только тогда будет толк. А добродушная на людях, Боня начала воспринимать свой дом как свою крепость.

Тут она стала проявлять необычайную бдительность. Причём, удивительно легко определяла, к кому из пришедших к Алёне гостей надо относиться с почтением, а кого нужно поостеречься и напугать грозным рычанием и громким лаем.

Однажды, как назло, в квартире разом перегорело несколько лампочек. Устроены они высоко – вмонтированы прямо в потолок. И,

чтобы самой не мучиться с заменой, Алёна вызвала электрика. Был выходной, девушка хорошо выгуляла собаку, и они, устроившись на диване, с интересом смотрели передачу о животных. Звонок в дверь раздался как гром среди ясного неба. На пороге возник парень в синем комбинезоне со стремянкой в одной руке и ящичком с инструментами – в другой.

- Фюить! – присвистнул молодой человек, с восхищением глядя на хозяйку квартиры. – Красавица, электрика вызывала? Я явился... – он не успел договорить, как из-за Алёны выскочила Боня и злобно зарычала – шерсть на загривке встала торчком.

Электрик попятился:

- Уберите собаку! Боюсь, укусит!

- Боня! – прикрикнула на лопухую охранницу Алёна. – Ко мне! – но та не унималась, разгавкалась на всю лестничную площадку.

Пришлось запереть её в ванной, откуда собака рвалась наружу и отчаянно лаяла, пока испуганный электрик менял лампочки. Алёна кое-как уgomонила её, когда он ушёл. «Кто он такой? – размышляла Боня, лёжа на диване. – Зачем явился в наш дом, да ещё притащил с собой такие ужасные вещи? Я хозяйку в обиду никому не дам!»

Ситуация повторилась, когда квартире понадобился ремонт сантехника. Тот был в годах, правда, запах распространял такой, какой Боня любила отыскивать в зарослях парка. Но это не спасло его от Бониного гнева. Охранница не только обгавкала сантехника – всё норовила укусить. Алёна насилу её уняла и успокоила испугавшегося специалиста.

Так что Бонино соседство с каждым месяцем делало Алёнин быт как бы более надёжным. Для биглюшки спокойствие и безопасность семьи вышли на первое место. Лишь с одной проблемой всё никак не удавалось справиться: во время прогулок Боня по-прежнему проверяла на зуб буквально всё, что удавалось откопать или обнаружить на земле, и, если «это» представлялось ей хотя бы чуточку съедобным, она торопливо его проглатывала. Преодолеть пагубную привычку не удавалось ни уговорами, ни намордником, против которого Боня была настроена категорически, ни угрозами и командой «фу», ни тренировками.

На специальных тренировках Алёна видела, как собак отучают есть то, что найдено на улице. Это выглядело примерно так: на земле

раскладывают «вкусности», как только собака направится к ним, в неё бросают грохочущую погремушку из пустых железных банок. Псина пугается, иногда даже убегает, прячется, а хозяин её утешает, предлагая лакомый кусочек из своих рук. Как бы говорит питомцу: на земле лежит плохая еда, не подбирай её – на тебе хорошую.

Дрессировщик пояснял Алёне, что, в тот момент, когда собака тянется носом к незнакомой еде, можно шлёпнуть её по голове поводком: «Хорошо шлепнутая собака будет шарахаться от чужого куска. Она видит логичную сцепку: действие – неприятность. Собачий мир прост и справедлив... Это очень важно и для защиты от догхантеров».

Боня с серьёзным видом слушала эти размышления, со страхом убегала от погремушек. Но выводы из тренировок выносила свои. Вернее, никаких выводов она не делала – на прогулках вела себя всегда одинаково...

В этот злополучный полдень Глафира долго гуляла с Боней вдоль шоссе. Прошедшей ночью выпал первый снег, который любили и люди, и собаки. Только вчера была серая и унылая осень, а через несколько часов всё переменялось до неузнаваемости, а в воздухе всё ещё кружатся озорные белые мухи.

Боня, как обычно на длинных прогулках, бегала без поводка и резвилась вовсю, радуясь снегу, то и дела валялась в этой холодной рыхлой массе. «Красота! – разглядывала она изменившийся мир. – Как всё интересно...» Глаша, как могла, пристально следила, чтобы любимица ничего не подбирала с земли, стараясь вовремя отвлечь её кусочками говядины. Всё шло как обычно, но разве за четвероногой проказницей уследишь...

Они медленно двигались в сторону Крылатской улицы.

Впрочем, это Глафира шагала, не торопясь, а собака без остановки носилась кругами, уткнув нос в землю, изучала запахи, тщательно обнюхивала каждый куст, каждый ствол дерева.

Первый ноябрьский снег на московских дорогах и тротуарах быстро превращался в грязную снеговую кашу, которую соскребали с асфальта шустрые тракторишки и ярко-оранжевые КАМАЗы, а в парке и на широких прогулочных газонах у шоссе снежок всё лежал

девственным ковром. Голые деревья покрылись белыми кружевными шаями. Многочисленные чёрные, тропинки стали девственно белыми. Проносящиеся по шоссе автомобили мелькали сквозь убелённые молочной сединой деревья, как сквозь дымку.

Снежный саван имел для Бони и вкус, и запах. Она постоянно тыкала чутким носом в холодный снег, пробовала языком снежинки, они миглом превращались в капельки воды. И это чудо удивляло и веселило хвостатую четвероножку, которая в этот день почти не обращала внимания на Глашины команды.

Впереди, недалеко от авторазвязки Рублёвки с Крылатской, маячил надземный пешеходный переход – сооружение из железа и стекла пересекало дорогу над проезжей частью. Площадку поблизости от входа в переход давно облюбовали птицы. Там деловито бродили вороны, голуби мирно посиживали в ожидании поживы. Спешащие на переход или вышедшие из него, невоспитанные люди частенько бросали здесь бумажки, окурки, объедки, которые и привлекали пернатых. В этом месте часто разворачивались птичьи бои за еду. Голубей в ней побеждали вороны, а шустрые воробьи составляли конкуренцию тем и другим.

Честно говоря, голуби Боню никогда особо не интересовали. Она хорошо знала – у этих поживиться нечем: как правило, они клевали семечки или семечковую шелуху, зернышки проса или перловки – угощение от какой-нибудь сердобольной бабуся, или крошки чьей-то недоеденной булки. Боньку такая еда не устраивала.

А вот вороны – эти наглые с собачьей точки зрения птицы – питались более изысканно и калорийно: мясными и другими скоромными продуктами... Боня понимала, что они – умные, и хитрые. Не раз она попадалась на их уловки. Когда, казалось бы, ей удавалось «накрыть» их с поживой, они отлетали недалеко, потом одна начинала нагло прыгать перед ней по земле, отвлекать лопухую насмешливым карканьем. Естественно, тявка срывалась с места, пытаясь догнать провокаторшу, которая тут же взлетала, но летела низко, дразня собаку. Боня устремлялась за ней, а крылатые товарки возвращали свою потерю.

Но и Бонька бывала не лыком шита – иной раз, не успеют птицы каркнуть, как она махом проглатывала захваченную добычу.

Виновницами последующих событий оказались две вороны. Их Боня ещё издалека выделила среди прочих пернатых, неподвижно сидящих или неторопливо прогуливающих на площадке у надземного перехода. Эти две активно попеременно клевали какой-то серый кусок. Именно на него и позарилась собака.

Перемещаясь замысловатыми кругами, она начала медленно приближаться к заветной цели. Двигалась бочком, почти не глядя на птиц, она своим безразличным видом давала понять, что птицы её совсем не интересуют. Ей удалось обмануть и воронью, и Глашину бдительность. Лишь только намеченные мишени оказались на расстоянии нескольких прыжков, собака разом замерла, присела на все четыре лапы, вытянулась вдоль земли и начала мелкими шажками осторожно приближаться к переходу. Потом подпрыгнула и невероятным галопом ринулась к птицам.

Увлечённые пиршеством, вороны не сразу обратили внимание на военные приготовления четвероногого противника, на секунду опоздали устроить организованное отступление – им пришлось в панике спасаться бегством. «Кар-крах», - только и успели выразиться они. Через мгновение вороний кусок оказался в Бониной пасти. Собака сразу поняла, что это грудка варёной курицы, и принялась торопливо жевать, стараясь проглотить добычу.

Тут и Глаша поняла, наконец, истинный смысл собачьих маневров, в её мозгу красным светом вспыхнуло слово «догхантер», и она в ужасе закричала:

- Боня-а! Нельзя-а! – Глафира подскочила к собаке, распугав заодно голубей и воробьёв, которые порскнули в разные стороны. – Отдай! – она схватила охотницу за морду, стараясь разжать ей челюсти. – Выплюнь! Фу, Боня! Фу!

Но все эти действия уже не имели для лопухой никакого значения – военный трофей был благополучно съеден.

«Вкусно...», - думала Боня, едва поспевая за бегущей домой Глафирой и отрывая на ходу...

Семён снова вернулся к кровати, тихо присел возле спящей Бони, отчего та шевельнула ухом, но глаз не открыла. В такт дыханию равномерно вздымался и опускался собачий бочок.

Подошла и Глафира, положила руку мужу на плечо и тоже вперилась в псишку.

- Так бегала сегодня, так радовалась снегу, - горестно прошептала она.

- Может, намаялась, устала, - в тон ей зашептал Семён. - И спит, как убитая...

- Как убитая?! – «дёрнулась» Глафира. – Типун тебе на язык!

- Да не придирайся ты к словам, - отмахнулся Семён. – Что-то я не вижу особых признаков... – и он споткнулся на полуслове. – Гляди-ка, Глаш...

Они снова уставились на Боню, которая вдруг широко распахнула глаза и несколько мгновений отрешённо смотрела мимо них. Потом подняла голову, тряхнула ушами и резво вскочила на ноги.

- Чего это она? – изумилась Глафира.

- Почуяла что-то, - пожал плечами Семён.

А Боня спрыгнула на пол, побежала к двери. «Вы не слышите, а я слышу! - ликовала она. – Моя хозяйка идёт!»

Тотчас в замке повернулся ключ, и на пороге возникла радостная Алёна:

- Привет! А вот и я!

Боня прыгала вокруг неё и весело гавкала. «Наконец-то! - собака от радости только что на голове не стояла. – Где ты была так долго?! Я так соскучилась! Меня тут чуть не замучили!»

- Смотри-ка! – ядовито хмыкнул Семён, оглядываясь на жену. – Только что едва дышала...

- Молчи! – ткнула его локтем в бок Глафира. – Дай нашим умничкам как следует порадоваться...

*Село Константиново
Рязанской области.
Октябрь – декабрь 2020 г.*

Сергей Иванович Черемнов
Бонины радости. Повесть о бигле
Литературно-художественное издание

(Электронная книга)
Компьютерная вёрстка автора
Создание pdf Илья Рожков

Компьютерная вёрстка автора

© Черемнов С.И.,
Село Константиново Рязанской области
2020 г.
